

Магическое бюро Майкла

Дмитрий
Леонидович

Дмитрий Леонидович
Магическое бюро Майкла
Серия «Мир некромантов», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70239262

SelfPub; 2024

Аннотация

Человек с Земли попадает в мир винтажной техномагии. Там его встречают два мертвеца. Герой не стремится завоевывать царства, он хочет просто спокойно и комфортно жить. Но сумеет ли он вписаться в незнакомую реальность? Или реальности придется слегка прогнуться?

Содержание

Знакомство	4
Попадание	14
Начало обучения	22
Учеба	40
Дорога	50
Дело о поиске служанки	65
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Дмитрий Леонидович Магическое бюро Майкла

Знакомство

– Должна вам признаться, – скромно потупилась девушка. – Я не блондинка.

– Не может быть! Ваши волосы прекрасны!

Девушка улыбнулась довольно.

– Если честно, то и глаза у меня от природы не голубые.

– Да вы что!

– Да, представьте себе. И кожу пришлось сделать более гладкой и придать ей оттенок пшеничного колоса. Приходится соответствовать моде, – вздохнула, колыхнув грудью в декольте.

– Как я вас понимаю! Мужчины, если откровенно, тоже страдают от необходимости следовать моде. Вот в последние сто лет – в моде богатые мужчины. Приходится зарабатывать. Это так пошло! А хотелось бы забросить дела, махнуть на всё рукой, отправиться в путешествие, чтобы любоваться произведениями искусства и диковинами природы.

– Жестокий век, – посочувствовала девушка.

– Да. То ли дело раньше – ты или родился аристократом, или нет. И не в деньгах счастье. А в земельных владениях.

Мы пригубили вина.

– Так сколько вы хотите? – уточнил я.

– Да что вы. Какие между нами могут быть счета. Через годик девочку мне сделаете, и квиты.

– Не чрезмерны ли твои желания, ведьма? – возмутился высокий скелет в древних доспехах, изрисованных магическими печатями, до сих пор тихо сидевший в углу.

– А тебе какая разница, конструктор? – окрысилась красотка.

– Я не конструктор, я маг. Только мертвый.

– Так какая тебе разница, мертвый маг?

– Мне за честь некромантов обидно.

– Интересно, а когда у тебя между костями мясо болталось, ты тоже за честь некромантов переживал, или просто отодрал бы меня по-быстрому при первой возможности?

Скелет смутился. Защелкнул челюсть, которую уже открыл для ответа, и замолчал.

А я продолжил разговор.

Я нанимал на работу ведьму. Собеседование проводил.

Основные вопросы я уже выяснил. Мы еще некоторое время дружески поболтали.

Ведьма, хотя и выглядела юной красоткой, оказалась старой и опытной. Вспоминала, как восемьдесят лет назад устроилась боевой ведьмой в отряд прадеда нынешнего короля. Тогда времена были не такие куртуазные, как сейчас. Как раз очередная магическая война заканчивалась. Все во-

евали со всеми, маги гибли, как куропатки на охоте, простых солдат и вовсе выкашивало, как косой. А потом изобретали новые способы убивать, и войны заходили на новый виток. Издержки магического прогресса.

В конце разговора я сказал, что мне необходимо подумывать, я сообщу о своем решении запиской.

* * *

Ведьма удалилась. Я из вежливости провел ее до крыльца. Она приехала ко мне на паровозе.

Паровозы на вечном двигателе – основное средство передвижения богатых людей. Они уже вытеснили кареты, но извозчики всё еще предпочитают пролетки на конской тяге. В коммерческих грузоперевозках паровозы вытеснили массивных коней-тягачей, больше похожих на носорогов. А крестьянские тягловые лошадки, покрытые кудряшками короткой шерсти, еще таскают телеги и пашут поля. Крестьянам магия не по карману.

У ведьмы машина оказалась мощной и роскошной.

Внешне похожа на земной автомобиль начала двадцатого века. Приземистая, длинная. Задняя часть, пассажирская кабина, похожа на небольшую карету со стенками, расширяющимися кверху, со скругленными нижними углами, квадратными стеклянными окнами и плоской крышей. Крыша заходит далеко вперед, накрывая место водителя. Оно снаружи, как козлы у кареты. Водительское место не защищено спереди и с боков ни стеклами, ни стенками. Перед усатым дядь-

кой в ливрее и шляпе-котелке торчит небольшой металлический руль. Длинный капот выглядит угловато, сразу видно, что сделана машина не на заводе, а в небольшой мастерской, собрана вручную. Колеса – со спицами, как у земного мотоцикла. Шины на них имеются, хотя пневматическую шину еще не изобрели. Резина на них белая, сделана из натурального латекса с наполнителем, пропитавшего слои полотна.

В глаза бросается главное отличие паровоза от земных автомобилей – на его крыше смонтирован радиатор из трубок и тонких пластин. Это одна из главных частей вечного двигателя. Радиатор-теплообменник магически вытягивает в себя тепло из окружающего воздуха. Вытягивает и передает в массивный накопитель, установленный за кабиной. Из накопителя тепловая энергия с масляным жидким носителем поступает в парогенератор и там магически фокусируется на паровой форсунке. Вода вскипает, струя пара вертит турбину, турбина катит машину и заодно приводит в действие насосы, которые поддерживают давление воды и качают теплоноситель в трубках.

Крыша защищает водителя и пассажиров не только от дождя, но и от холодного воздуха, стекающего от радиатора вниз.

Накопитель нужен, чтобы паровоз мог резво стартовать. Когда он идет на скорости, встречный поток обдувает радиатор, вытягивание тепла из воздуха усиливается. А пока машина стоит – поток энергии слабый. Для разгона и берется

энергия накопителя.

Собственно, размер крыши с радиатором и наличие накопителя – признаки, по которым можно прикинуть на глаз мощность паровоза. У ведьмы машина была чем-то вроде аналога земного спортсмена, с поправкой на местные реалии. На скорости быстрой лошадиной рыси ее мощность была не меньше полутора десятков лошадиных сил, а на скорости самого быстрого галопа – вдвое выше. Возможно, этот паровоз можно было на хорошей дороге разогнать километров до ста в час. Главное, чтобы при этом колеса не отвалились на колдобине, или машина в кювет не улетела. Надежность местных конструкций была сомнительной, технический прогресс тут только начинался и сильно отставал от прогресса магического.

Я думаю, ведьма выбрала эту модель паровоза не ради скорости и мощности, а из-за большого салона с роскошными кожаными диванами.

Красотка помахала мне ручкой в окошко, и ее машина лихо вырулила на проезжую часть.

Вот и хорошо. Вот и езжай.

На месте, где стоял паровоз, осталась лужа – натекший с холодного радиатора конденсат. Конденсат – серьезная техническая проблема. Осенью, во влажную погоду, паровозы теряют большую часть мощности из-за обмерзания теплообменника. Я всё это знаю, потому что сам уже приценивался к этому чуду магической техники.

Когда я говорил ведьме, что меня тяготит необходимость зарабатывать, я кокетничал. Точнее, я откровенно врал, и ведьма это понимала. Способ зарабатывать без особых усилий у меня имеется. А работать я хочу, потому что у меня шило в заднице. Скучно мне сидеть, ничего не делая.

Работать я еще не начал, а дом в хорошем районе, с кабинетом для приема посетителей на первом этаже, уже приобрел. Над входом повесил вывеску: «Магическое бюро черного Майкла». Написано золотом на черном. Красиво получилось. Я еще не привык к новой вывеске, перед тем как открыть дверь, остановился полюбоваться.

Вернулся в гостиную, где пока принимал посетителей. Там ждал Петор.

Мы со скелетом, оставшись наедине, переглянулись.

– Ну что? Тебе она, я так понял, не понравилась? – я вздохнул с сожалением.

Девушка была роскошной. Совершенной. И формы впечатляют, и ровная матовая кожа, и глаза цвета светло-синего сапфира, и волосы медового оттенка... и голос волнует, а улыбка манит... Хороша! Конечно, все ведьмы улучшают свою внешность, но в этом деле одной магии недостаточно. Нужно еще иметь вкус. У этой ведьмы вкус определенно был.

И я ей понравился, хотя и скрываю свой настоящий уровень силы. Впрочем, от интуиции ведьмы его не скроешь, их просто тянет ко мне с сексуально-детородными целями. Они

даже сами не понимают, почему. Не могу сказать, что мне это неприятно, в постели ведьмы хороши чрезвычайно.

Петор отвечать на мой вопрос не торопился.

– Так почему не понравилась?

– Несколько причин. Во-первых, она тебе по уровню не подходит. Слаба, – разродился мертвый магистр.

– Так где ж я сильную найду? Это раньше, в эпоху Великих, можно было поискать ведьму с максимальным рангом, а теперь их, наверное, и нет вовсе.

– Искать не надо. Если она существует где-то в нашем мире, она сама тебя найдет. Ее интуиция приведет.

Скелет был прав. Он вообще на порядок лучше меня разбирался в фундаментальной магии. Я – всего лишь ученик, хоть и силы у меня, как у дурака фантиков. А Петор еще при жизни был известным теоретиком магии, потом вместе с первым своим господином из числа Великих изобретал магическое конструирование, потом сотни лет практиковался уже самостоятельно. Я с большим уважением относился к его знаниям и опыту.

Обращался я к нему на «ты», но не потому, что я его господин, а потому, что Петор пришел из тех времен, когда все эти изысканные вежливости еще не изобрели. Если тогда человек обращался к одному собеседнику, он говорил «ты», пусть даже перед ним король или великий маг. А если говорил «вы» – значит обращался к нескольким.

– Но если пока нет сильной ведьмы, почему бы не взять

ту, которая имеется?

– Ты, мальчик мой, просто не понимаешь, какие это коварные создания, старые опытные ведьмы. Ты ее возьмешь на год на работу, а за год она тебе под кожу заползет, и тебе с ней потом трудно расстаться будет. А расставаться придется, скоро она станет тебе обузой. Стара она. Пройдет лет десять, тебе потребуется помощь ведьмы в сохранении молодости и здоровья, а она тебе ничем помочь не сможет, у нее уже сейчас все силы на поддержании собственной молодости и красоты уходят.

С житейской точки зрения маг был прав. Если бы речь шла о коротком флирте – можно было бы пошалить и расстаться. Но мне нужна постоянная партнерша, надолго.

– Значит, лучше взять молодую, пусть и средней силы? Даже если она опытом и знаниями проигрывает?

– Именно. Чем моложе, тем лучше. В старых женщинах, мой господин, слишком много сюрпризов таится. Как ты там говорил? «Скелетов в шкафу»! – мертвец захихикал.

Его смех, как и голос, имел металлический оттенок, для издания звуков он использовал особую серебряную трубочку-артефакт.

– А как же характер? Близость взглядов? Ум, наконец?

– Рождение, смерть, сильное потомство – эти три элемента лежат в основе жизни. Только они по-настоящему важны. Еще важна власть, как способ усилить свое наследие. А ум, характер или взгляды – эфемерная дымка, которой никчем-

ные люди прикрывают свои пустые жизни. Я уж не говорю об изобретении последних веков, так называемой «любви».

– А что, во времена твоей жизни любви не было? – удивился я.

– Не было. Похоть была. Семья была. Парни хотели девок. Девки хотели замуж. Мужчина до смерти заботился о своей жене и детях. Жена принадлежала мужу и делила с ним постель, тяготы и радости. Ни в какой любви супруги не нуждались.

Мертвец приподнял подбородок, он так делал, когда вспоминал что-то отвлеченное. Без мимических мышц и кожи на лице понимать его эмоции было сложно, но кое-что я замечал по позам и жестам.

– Мартель мне как-то говорил, любовь изобрели лет триста назад бродячие музыканты и артисты. Он тогда еще удивлялся: если сказать «он ее возжелал» – получается обычная пошлость и разврат, а если «он ее полюбил» – актеры из этого состряпают душещипательную трагедию, такую, что и шлюхи, и аристократки будут слезу пускать и в рукав сморкаться.

Скелет задумался, потом возмутился:

– Я вообще не понимаю, какие обязательства берет на себя человек, когда говорит «я люблю тебя»?

Теперь мне пришлось задуматься. Магистр умел задавать простые вопросы со сложными ответами. Признался:

– Я тоже не всегда понимаю. Чаще всего он пытается ска-

зять: «Мне хорошо с тобой, и я хочу, чтобы это продолжалось вечно».

Скелет знал о вечности побольше, чем люди из мяса и крови. Его задело за живое:

– Вечно? Что люди из плоти знают о вечности? Из-за быстрой потери молодости и красоты вечность оказывается гораздо короче, чем кажется. Да и способен ли человек вечно хотеть одного и того же? Это же против нашей природы! Это нарушает экзистенциальный принцип развития души.

Мертвый магистр задумчиво пощелкал челюстью и пробурчал:

– К тому же если один хочет, чтобы ему было вечно «хорошо», это не значит, что предмету его любви хочется вечно это «хорошо» обеспечивать. Или речь идет о сделке, и партнеру хочется иметь в ответ другое «хорошо», и тоже вечно?

– Вот тут возможны самые разнообразные разночтения, которые ведут к многочисленным разочарованиям, – откровенно заулыбался я, вспоминая свой земной опыт общения с женщинами.

Я ведь тоже далеко не мальчик...

Попадание

На Земле я прожил длинную и нескучную жизнь. Женщин любил. Интересными делами занимался. Сына воспитал. Дом построил. Деревья сажал. Вот денег больших так и не заработал. Чтобы их заработать, надо делать то, что принесет деньги. А я делал то, что мне было интересно.

Так сложилось, что в конце жизни я стал жить отшельником. И в какой-то момент заметил, что моя душа не стареет.

Обычно человек живет в окружении других людей, их отношение служит зеркалом, в котором человек видит себя. В какой-то момент коллеги начинают обращаться к нему не «Майкл», а «Михаил Владимирович». И человек осознает: «Я уже солидный дядька. Мне уже не по статусу глупости делать». Потом появляются внуки, седины и морщины, и все больше людей называют его «дедушка». Он начинает и сам относиться к себе, как к старику.

У меня было не так. Тело старело, конечно, но душа об этом забывала. Бывало, подойду утром к зеркалу, увижу седую бороду и думаю: «Надо же, какое старое тело на мне надето!». Отойду, и забуду.

Иногда, конечно, казусы случались. Заходишь в вагон метро, видишь – девушка симпатичная. Только сфокусируешь глаза на ее декольте, а она подхватывается с места: «Садитесь, дедушка!».

В общем, я жил, как жил, а когда подошел срок, умер. Сердце прихватило и потемнело перед глазами.

* * *

Открываю глаза – вокруг темно, но уже по-другому.

Лежу на земле. Резко пахнет паленой шерстью. Сбоку огонь горит, факел, лежащий на полу.

Ничего не понятно – только что сердце резко заболело, а теперь вот это вот всё.

Больница? Непохоже.

Пригляделся, в темноте вижу на стенах тоннеля, в котором я лежу, два огонька вроде мерцают, но вроде и нет их.

«Фенюк между этими огоньками прошел, и магическим ударом нас обоих накрыло», – откуда-то мысль приходит.

Я знаю, что Фенюк – мой товарищ, вот он рядом лежит, чуть впереди. Факел его штанину прожег, оттого паленой шерстью и воняет. Помер Фенюк. И я помер. А звали меня Ковкуном, и был я молодым деревенским парнем. Мы в это подземелье сунулись в надежде раздобыть амулеты эпохи Великих магов. Хотели продать, я бы избу себе поставил, коня купил. Женился бы... Вот, лежу теперь мертвый на полу.

Такие мысли бродят в моей голове, я пытаюсь понять, кто из нас умер – Михаил Владимирович с Земли, или Ковкун из деревни Самоедовка. Или оба? А если оба померли, то кто тогда лежит сейчас на полу живым? И почему я думаю по очереди на двух разных языках, русском и... не-русском?

* * *

Пока я мысли в кучку собирал, вдруг передо мной появился призрак. Старик в средневековом кафтане, пышных шортах и чулках. С кинжалом на поясе.

Старик меня увидел, глаза выпучил:

– Твоё величие? – несмело спрашивает.

– Моё! – отвечаю.

– Ох ты ж! Удача-то какая! Не двигайся, сейчас ловушку отключу! – засуетился призрак.

Что-то сделал, огоньки на стенах мигнули в последний раз и исчезли.

– Иди за мной, господин попаданец! – предлагает призрак. – Я тебя со своим соратником познакомлю.

– А сам ты кто?

– Я? Прости, не представился. Магистр Мартель я. Призрак. Призрак, имеющий доступ к магии, – старик важно поднял палец.

Видно, обычные призраки доступа к магии не имеют, а у этого есть, вот он и гордится.

– А меня... Меня «Майкл» называй.

Я взял факел, прошел по тоннелю до погребенных под землей дворцовых залов, частично расчищенных.

Там меня встретил скелет, Петор. Он тоже призрак, но призрак, который магически привязан к костяку. Это, кстати, не его кости. Он, когда умирать собрался, подобрал труп покрупнее, скелет очистил, подготовил для привязки, инструкции и магические схемы составил. А потом дождался

своего первого господина и попросил его убить себя, призвать и привязать к костям.

С тех пор он так и существует. На кости наложено заклинание сохранности, иначе они давно бы в порошок рассыпались. Доспехи на себя нацепил, для защиты, для веса, и чтобы магические печати рисовать было на чем. А еще это просто красиво, особенно если забрало шлема закрыто. А когда открыто... Череп, выкрашенный в канареечный цвет, – это всё равно череп. Хотя привыкнуть к такому зрелищу можно.

* * *

Мы пообщались с двумя призраками, одним иллюзорным, вторым – в виде скелета. Они сделали мне предложение, от которого я не смог отказаться. Призраки выбрали меня своим господином.

В начале эпохи войн Великих, когда их первый господин уже давно умер, и даже дети его умерли, родовой замок был разрушен. Людей убили магическим ударом. Всех. В сам замок захватчики входить не стали, слишком много в нем магических ловушек оказалось. И рядом с ним оставаться не смогли – живых противников не осталось, но два призрака продолжали уничтожать всех, кто попадался на глаза.

Враги ушли, крестьяне из окрестностей разбежались.

Остались в замке только два призрака. Им идти было некуда, господин погиб, приказов неисполненных не осталось. А без воли господина призраки особой фантазией не отличаются. Нет у них никаких стремлений.

Так и жили, или правильнее сказать – существовали.

Люди в замок не ходили, боялись ловушек. Со временем развалины заросли, ветер их занес песком. Прошло две тысячи лет или около того, и залы дворца оказались под землей, а всё, что торчало наружу, развалилось.

Петор поддерживал чистоту в уцелевших помещениях. Дерево и ткани сгнили, металл проржавел. Сохранились только камень, золото, и то, что было магически защищено от разрушения.

Мартель, для которого ни преград, ни расстояний не существует, периодически вылетал наружу, узнавал, что происходит в мире.

Иногда призраки развлекались магическими экспериментами. Ловушки для нежеланных гостей установили и поддерживали. Осваивали магические изобретения, о которых во внешнем мире узнавал Мартель, он любил в лабораториях за учеными магами подглядывать.

Большую же часть времени призраки провели в полусне. Без господина их существование было лишено смысла и цели. Потому они так обрадовались, когда появился я.

А я появился, потому что дожди размыли перекрытие одного из коридоров, и прошлый владелец моего тела со своим другом обнаружили давно забытые развалины...

* * *

После воскрешения я чувствовал себя жутко уставшим и еще во время первого знакомства с магистрами начал душе-

раздирающе зевать. И в голове бардак был.

Призраки посоветовали мне отоспаться, я так и сделал. Одеяло из котомки достал, на пол постелил и отключился.

Проснулся я в темноте. Только огоньки многочисленных магических печатей и амулетов вокруг, их я видел, как потом узнал, магическим зрением.

Запасов свечей у призраков не было, да они им и не нужны, так что единственным источником света мог стать тот факел, который я принес с собой. По моей просьбе Петор зажег его. Зажег магической мыслеформой.

– Господин, желаешь ли ты провести осмотр наших запасов? У нас имеется три пуда золота в гривнах, монетах и изделиях, двенадцать пудов серебра, драгоценные камни, много амулетов, доспех и оружие на полсотни воинов.

– Оружие наше устарело, сейчас таким не пользуются, – тихо прокомментировал Мартель.

– Для начала завоевания империи и одного золота достаточно, – легкомысленно отмахнулся Петор. – Остальное можно купить или захватить.

– Стоп! Какая-токая империя? Не надо мне никакой империи!

– Так ведь какое-то владение с замком тебе надо, хоть с баронию размером. Жить-то тебе где-то надо в безопасности. А где барония, там и королевство... А потом детишки пойдут, им тоже надо...

– Но начать нужно с изучения магии! – уверенно заявил

Мартель. – Завоевания – потом.

Мне не хотелось королевства. Мне хотелось свободы. А максимум свободы достигается не на вершине пирамиды, и не внизу, в где-то посередине. Внизу приходится тратить всё свое время, чтобы поддерживать приемлемые условия жизни. Около вершины – все силы уходят на борьбу за власть, сохранение положения и управление подвластным. Меня ни то, ни другое не устраивает. Осталось выяснить, на каком уровне в местной иерархии можно устроиться с комфортом.

Я попытался донести эту мысль до призраков. Призраки ее обдумали. Покачали удивленно головами.

– Так ведь магический уровень у тебя такой, что спокойно жить тебе не дадут, – заявил Мартель.

– А можно его как-то спрятать?

Призраки задумались надолго. Потом начали обмениваться короткими фразами, в которых почти каждое отдельное слово было мне понятным, а общий смысл – нет. Магистры забыли обо мне и ушли на свою волну.

Мне же жутко хотелось пить, в туалет, да и поесть было бы неплохо.

– Прочтите, уважаемые...

– Уважаемый – обращение к ремесленнику или купцу, – поправил Мартель. – Маги равны титулованным дворянам, к ним следует обращаться «магистр» или «господин». Ты, как наш господин, можешь называть нас «слуги» или обращаться по именам.

– Магистры, у меня есть определенные потребности...

– Ох, господин, конечно! Прости, мы уже забыли, как это – быть живым.

Петор показал мне альков, где на полу валялись ночные вазы, упавшие с истлевших деревянных полок. Колодец, в котором можно набрать воду. К счастью, у меня в котомке нашлась веревка, а в помещениях было много керамической и золотой посуды.

– А вот пищи у нас нет, прости, господин, – развел он руками.

– И свечей нет. И кровати с постелью нет. И одежды. Но это не беда. Я устрою свой быт, а после мы начнем заниматься магией.

Когда я выбрался на поверхность, оказалось, что уже вечер, темнело.

Начало обучения

Можно быть величайшим магом, но для создания комфорта необходимы люди. Крестьяне, которые продадут продукты, ремесленники, которые слепят горшок, скуют нож и сколотят табурет, женщины, которые приготовят еду, соткут полотно и сошьют рубаху...

Вот я и направился к людям. В свою родную деревню. В смысле, в родню деревню своего тела, Самоедовку.

Мой предшественник по телу, Ковкун, был сиротой, жил у дяди на правах батрака. Это и заставило его лезть в опасные развалины – денег на собственное хозяйство батрачеством не заработаешь, а жениться хотелось. Еще и не просто жениться, в грезах парня мелькали то дебелая дочь мельника, то улыбочивая кузнецова дочка. Они, конечно, внимания на него не обращали. Похихикать над его шуткой могли, сидя в компании, а вот погулять за околицей – ни в какую.

К дяде я не пошел. Смысла нет. Вещей у меня ценных там не осталось, радушного приема ждать не приходится. К друзьям Ковкуна, таким же молодым батракам, тоже идти смысла нет. Помочь они ничем не смогут, а особого интереса к общению с ними я не испытывал. Еще заметят, что со мной что-то не так, слухи пойдут. Оно того не стоило.

Я подошел к деревне со стороны огородов.

Нашел нужную хату. Меня интересовал двор молодой, лет

двадцати, вдовы. С полгода назад у нее умер муж. Зимой на рыбалке провалился под лед по пояс, простудился сильно и сгорел от лихорадки. Она осталась одна с годовалым ребенком.

По тропинке между картошкой и помидорами я подошел к дому. Окна не светились. Я тихо поскребся в дверь. Потом еще раз.

– Кто там? – испуганный голос изнутри.

– Нетянка, это Ковкун, открой, разговор есть, – вполголоса отозвался я.

Вполголоса – это чтобы в ночной тишине соседи не услышали и собаки не переполошились.

Дверь приоткрылась. В щели показалась женщина, в нижней рубашке, с шалью на плечах.

– Ошалел совсем? Чего приперся? – шепотом заругалась она.

– Пусти, поговорить надо.

Женщина выглянула за дверь, кинула взгляд налево-направо, не видит ли кто?

Пустила.

– Так чего пришел? – зябко переступила по земляному полу босыми ногами.

– Дело есть. Смотри, – я вытащил из котомки и покачал в воздухе амулетом на цепочке.

Амулет был медный, позеленевший от времени. Самый дешевый, какой нашелся в хранилище. Наверное, когда Пе-

тор в замке помещения убирал, с трупа какой-нибудь служанки его снял. Если заметит кто – подумает, что простая безделушка, память от родителей или подарок любовника. Более дорогой медальон я побоялся брать, увидят, могут отобрать у женщины вместе с жизнью.

– Это амулет от зачатия и срамных болезней.

– Ты что удумал, охальник?

– Выслушай спокойно. Ты женщина одинокая. Без мужской помощи хозяйство не вытянешь. В этом году еще выдержишься, а на следующий тебе надо будет солому на крыше перекладывать, иначе сгниет. Кто поможет? Дров нарубить на зиму, поле вспахать, сена накосить и привезти – везде мужик нужен. Так?

– Ты что ли в мужики мне набиваешься? – заинтересовалась вдова.

Конечно, видным женихом я не был, но хозяйство какое-никакое у нее есть свое, а мужские руки – у меня в наличии... Если одно и другое сложить, вместе не померли бы с голоду. Нетянка уже прикидывала, что лучше – синица в руке, в смысле Ковкун, или поохотиться на журавля в небе – выйти за какого-нибудь вдовца с хорошим хозяйством. Тут я ее обломал:

– Нет. Себя я в женихи не предлагаю, я скоро уеду отсюда. Я подарю тебе амулет от зачатия, вот этот. Он тебе поможет помощников найти и не забеременеть, когда благодарить за помощь станешь.

Вдова задумалась. Амулет стоил недешево. Где-то рубль серебром, а может и больше. И вещь полезная, однозначно. Помощника молодой симпатичной вдове найти нетрудно, но эти помощники будут рассчитывать на благосклонность, а от благосклонности бывают дети...

– И деньги давать буду, – сделал я контрольный выстрел. – А за это до отъезда у тебя ночевать и кормиться стану.

Женщина окинула меня заинтересованным взглядом. Она и сама была не против переночевать с молодым парнем. А если еще и амулет имеется...

– А откуда мне знать, что этот амулет работает? И что он именно от зачатия, а не от вшей?

– Работает, я знаю. Мне маг сказал.

– Врешь ты всё, оболтус, – эта отговорка была уже для видимости, чтобы не слишком рано выкидывать белый флаг.

– Не вру. И деньги у меня есть, смотри, – я показал в ладони несколько почерневших серебряных чешуек, древних, сейчас таких уже не делают. Сейчас мелкие копейки из меди штампуют.

– Заходи в комнату, только тихо. Ты как, сразу в постель?

– Мне бы умыться и поесть сначала.

Хозяйка зажгла от крошечного огонька лампы лучину, воткнула ее в щель чурбачка-светца, стоящего на блюде с песком, чтобы от упавших угольков пожара не случилось.

– Где я тебе поесть ночью искать буду? Хлеб есть, яйца вареные. Завтра могу вареники с вишней налепить. Коровы

нет у меня, так что без сметаны.

Я высыпал небольшую кучку монеток на стол.

– Сходишь в город, обменяешь серебро по весу на медные деньги. Покупай мясо или птицу, чтобы каждый вечер было. Ну и прочего – масла, сметаны, молока. Кончатся эти деньги, еще принесу. А пока давай, что имеется.

Ужин, очень и очень скромный, показался мне, после долгого голодания, необычайно вкусным. Вдова сидела напротив и умилялась, как я жадно откусывал большие куски от ломтя белого хлеба и запивал их холодным ягодным взваром.

После мы отправились в постель. Мое тело, ввиду молодости, было готово хоть всю ночь развлекаться. Вдова сначала скромничала, но женщина истосковалась по мужской ласке, так что скромность скоро была отброшена, вместе с нижней рубашкой. Она оказалась темпераментной, даже не сдержалась, разбудила ребенка своим стоном, пришлось ей его убаюкивать.

Утром я ушел огородами, до рассвета, прихватив с собой половинку ковриги, завернутую в чистое полотенце.

Нетянка провожала меня с мягкой улыбкой, вся такая теплая и расслабленная. Через ее рубаху на груди поблескивал в магическом зрении подаренный мной амулет.

* * *

В первые дни Мартель улетел во внешний мир, уточнять, что там происходит, как устроена жизнь в крупных городах.

Память Ковкуна мне мало могла в этом помочь. Парень безвылазно жил в деревне, кроме поля и скотины почти ничего не знал, разве что бывал несколько раз в ближайшем городке, там видел паровозы местечковых богатеев. О магии он вообще практически ничего не знал, кроме того, что магия – это очень сложно и дорого.

Со мной занимался Петор.

Вначале он объяснил мне, почему я воскрес, меня этот вопрос волновал больше других, пусть он и не имеет практического значения.

Переселение душ магические ученые изучали достаточно внимательно.

Оказалось, во вселенной существует круговорот душ. Некоторые после смерти остаются на изнанке и там медленно рассасываются. Часть, от трети до половины всех душ, вселяется в людей для новой жизни.

– У души существует два базовых стремления, тяга к развитию и потребность в покое. Те души, у которых тяга к развитию сильнее – перерождаются.

– То, есть те, у которых шило в заднице, – перевел я на понятный для себя язык.

– Именно.

– А как можно померить эту тягу?

Петор удивился:

– Никак.

– То есть, это просто философское утверждение, ничем

не подтвержденное?

Магистр замер, потом посмотрел на меня с уважением:

– Да, господин. Если посмотреть с такой точки зрения – это просто слова. «Веревка – это вервие простое». Есть души, которые стремятся переродиться. Мы говорим, что они имеют тягу к развитию. Так нам понятнее, а как оно на самом деле – никто не знает.

Похоже, мысль про то, что опыт – критерий истинности, тут еще не изобрели.

Маг продолжил:

– Большинство душ вселяется в младенцев до того, как в них зарождается собственная. Такие младенцы магическими способностями никогда не обладают, но имеют более высокую удачу, чем те, чьи души самозародились. Мозг младенца неразвит, потому души при вселении в него забывают свои прошлые жизни.

Наконец, мы перешли к моему случаю:

– Иногда душа вселяется в тело взрослого, недавно погибшего. Для этого тело должно быть свежим и умереть без физических повреждений. Есть несколько редких болезней, при которых человек, обычно ребенок, может так умереть, просто перестать дышать. Есть некоторые яды, которые убивают, а потом разлагаются так быстро, что не вредят воскрешению. Но такие экзотические смерти имеют значение только для инициации магии в мире, где ее до того не было. В обычной же практике пригодные для вселения тела получа-

ются, когда людей убивает некромант, причем не любимым способом, а отсечением души. Носитель твоего тела попал под удар магической ловушки, настроенной именно так.

– И часто такие трупы воскресают?

– Редко. Во времена магических войн определили, что не более, чем один на тысячу.

– В моем родном мире каждую секунду умирает один-два человека. Есть и другие миры, там тоже умирают. Почему именно моя душа попала в тело?

– Принято считать, что души притягиваются в тела, к которым имеют наибольшее родство.

Я отметил для себя, что это похоже на правду. Моя душа не хотела стареть, и вот – я в теле молодого парня. У меня было шило в заднице, и Ковкун тоже полез в неизведанные подземелья в поисках богатства и приключений. Я был одиночкой, и он от людей держался на расстоянии.

– Те, кто воскрес во взрослых телах, сохраняют память души полностью, а память тела – частично. Но главное – они сохраняют сродство с изнанкой, потому имеют высший магический уровень, единицу. Как у тебя, господин.

* * *

После вводной лекции мы перешли к практике, развивали мое магическое зрение.

Я смотрел на амулеты и магические печати, сначала в полной темноте, потом при свете лучин, потом днем, для этого мы с Петором выбрались из подземелья наружу.

Следующим шагом стало умение замечать свечение жизни окружающих животных, а потом – и растений.

Самая большая плотность жизненной энергии – в теле у магов, чем ближе их ранг к единице – тем выше. У Петора был второй ранг, чтобы увидеть собственное свечение его костлявого тела, надо было заглянуть под кирасу – его душа была привязана к одному из грудных позвонков, тот и отсвечивал в магическом зрении. У Мартеля душа привязана к кроличьему черепу, вделанному в деревянную подставку. Он тоже светится, и тоже вторым рангом. При жизни у моих слуг-магистров был более высокий уровень. Но после их призыва уровень призраков определялся амулетом привязки, а этот амулет имел ранг на единицу меньше, чем маг, его активировавший. Маг был из Великих, имел первый ранг, соответственно, призраки получили второй. Когда-то это считалось средним уровнем, сейчас же – высоким. Магия в Гее постепенно деградировала.

Итак, ярче всего светятся маги и амулеты, созданные ими. Простые люди имеют плотность энергии в несколько раз ниже, чем средний маг. Высшие животные – примерно в четыре раза ниже, чем человек. Низшие животные – еще ниже. И еще ниже – у растений. Но тут есть нюанс. У низших животных и растений общая энергия зависит от массы. Потому каждая громадная эльфийская секвойя по потоку магической энергии превосходит десятки сильных магов.

Когда я вглядывался в жизненную энергию окружающего

леса, я с удивлением обнаружил, что почва светится гораздо сильнее, чем можно было бы ожидать.

Магистр объяснил:

— В почве много корней растений и низших животных. Если бы можно было взвесить энергию, выделяемую разными организмами, то оказалось бы, что половина ее дается растениями. Плотность энергии в них низка, но масса во много раз превосходит массу животных. Из оставшейся половины примерно половину производят черви и прочие мелкие ползучие гады. Они незаметны, но в природной среде их масса превосходит общую массу высших животных примерно вчетверо.

Когда я освоил способность смотреть, перешел к активному использованию магической картины мира.

Следующим этапом моего обучения стало убийство. Магистр объяснил, как это делается, и я научился убивать усилием воли. Не с первой попытки, и не со второй, но у меня получилось гасить огонек жизненной энергии у мелких птиц и животных. Они от этого падали мертвыми.

Это умение принесло мне первую практическую пользу от магии, я убил зайца и отнес его вечером Нетяне.

* * *

Моя жизнь очень быстро наладилась. Вечером, после заката, я приходил к своей любовнице. Нетянка кормила меня простым, но сытным и вкусным ужином. Мы с большим энтузиазмом наслаждались друг другом в постели. Утром я

завтракал и уходил в предзвездных сумерках, прихватив с собой сложенные в узелок продукты для обеда.

Вдова купила пару коз, чтобы не тратиться на творог и молоко. Стала делать сыры и сметану. Регулярно покупала у соседок уток и кур.

Соседи, конечно, заметили, что она светится от женского счастья и стала жить богаче. Сделали правильный вывод – мужика завела. Вначале некоторые деревенские бабы решили, что она отбивает кого-то из их мужей. Попытались скандал устроить. Но в ответ на претензии ревливой мельничихи, высказанные у колодца, Нетяна так заразительно расхохоталась, что остальные к ней лезть побоялись, чтобы не позориться. Вместо этого стали строить самые дикие догадки, вплоть до сожительства с начальником стражи ближайшего городка.

* * *

Мартель вернулся через несколько дней. Ради сбора подробной информации он облетел несколько городов, подслушал множество разговоров, даже посетил незаметно парочку лекций в университете.

Разговор с магистрами велся в подземелье, при свете свечного фонаря, купленного для меня Нетянкой. Так было удобнее – и не совсем темно, и свечение Мартеля хорошо видно. Мебели не было, вся рассыпалась в труху, так что я сел на свернутое в несколько слоев одеяло. И призраков попросил занять сидячее положение, чтобы голову не задирать при

разговоре.

Внимательно слушал доклад нашего разведчика не только я, но и Петор, который знал о современном мире не намного больше меня.

Мартелю было удобно не просто рассказывать, а сравнивать нынешнее положение дел с тем, к которому они с Петором привыкли при жизни.

– Население континента сильно разросло после завершения войн Великих. Распаханы все земли, которые пригодны для земледелия. Лесов осталось мало. Из-за этого крестьяне строят теперь не избы из бревен, а мазанки из глины с навозом. В городах перестали строить из камня, строят теперь из кирпича – так дешевле и быстрее.

Как и раньше, основная часть населения – крестьяне. Только в наше время их было девятнадцать из двадцати, а нынче – шестнадцать. Жизнь крестьян почти не изменилась. Ткани стали дешевле и доступнее, железные орудия труда, а в остальном – по-прежнему. Магия для них недоступна, слишком дорого. Холодными зимами мрут от болезней, в неурожайные годы – от голода, во время войн – от разрухи и эпидемий.

– Почему так? – удивился я. – Прогресс же, он должен облегчить жизнь, сделать ее лучше.

– Потому что люди плодятся. Как только жизнь становится чуть получше, людей становится больше, пищи перестает хватать, приходится осваивать плохие земли, которые рань-

ше никому не были нужны. Плохие земли требуют больше труда и дают меньшую отдачу. От того людям опять становится жить хуже. А раз в несколько лет приходит неурожай или война, слабые и глупые гибнут. Так и продолжается – в хорошие годы плодятся, в плохие – мрут.

Мартель сделал паузу, перевел дух, если можно так сказать о призраке, и продолжил:

– На жизнь крестьян повлияло ухудшение климата на нашем континенте. Он стал прохладнее. Из-за этого урожаи снизились, голодные годы чаще случаются. От этой беды прогресс всё же помог. Появились новые овощи и фрукты. Картофель и помидоры с западного континента привезли и стали выращивать. Зерновые дают больший урожай, чем раньше, и коровы мясистее нынче. Но и тут есть обратный эффект – новые сорта зерновых и породы скота прибыльнее содержать в крупных хозяйствах. Крестьяне-одиночки не могут соревноваться с большими фермами, им остается только трепыхаться, чтобы самим себя содержать.

В целом сказанное Мартелем соответствовало тому, что помнил Ковкун. Крестьяне действительно не жили, а трепыхались. Они плодились, как кролики, надеясь, что дети сделают хозяйство более крепким. И попадали в ловушку: многодетные хозяйства действительно были крепче, за счет труда подростков, но когда вся деревня многодетна, на всех не хватает хороших угодий. И благо для каждой отдельной семьи становится злом для общества в целом.

* * *

– Теперь о других сословиях, – продолжил Мартель. – Самое заметное изменение прошлых столетий – появилась большая прослойка магов-рантье. Они ничего не делают, только заряжают аккумуляторы, и тем себя содержат.

– Как так? – удивился Петор.

– За эпоху Великих количество магов в нашем мире сильно выросло. Великие маги умерли, но они оставили множество потомков, эти потомки тоже плодились. Уровень магов падал, но их количество росло. И теперь в среднем на десятков людей есть один с магическим даром, как правило слабым, на уровне третьего ранга. Такие маги самостоятельно ничего серьезного не наколдуют, но могут заряжать аккумуляторы. И это стало их основной службой. Целое сословие магов-рантье образовалось.

– Вот ведь кривая удача! – выругался Петор.

– Маги со вторым уровнем считаются сильными сейчас. А с единичкой давно никого не бывало.

– Почему? – я спросил.

– Высокоранговые маги не появляются больше. В войнах теперь стараются убивать не отсечением душ, а другими способами, после которых воскрешение невозможно.

Петор заговорил:

– Есть еще способ из простых людей искусственно создавать магов и ведьм с высшим рангом. Его некоторые короли использовали. Надеялись так усилить свою власть. Потом от-

казались – каждый такой маг в конце концов восставал против своего господина.

Я для себя отметил – получается, маги не заинтересованы в том, чтобы у них появлялись сильные конкуренты. Значит, и меня они вряд ли примут с распростертыми объятиями.

* * *

Я зацепился за мысль, которая меня заинтересовала:

– А почему вообще была и кончилась эпоха Великих? И почему снижается уровень магов?

Об этом стал рассказывать Петор. Он в дуэте призраков больше теоретик, Мартель – практик.

– Я говорил тебе о том, как души вселяются в мертвые тела, погибшие от удара некромантов. До эпохи Великих это обеспечивало стабильный приток магии в наш мир. Кто-то воскресает, становится магом первого уровня, детей плодит. За счет этого общее количество магии растет. Постепенно его потомки спариваются с более слабыми магами и ведьмами, или с простыми людьми, уровень потомков с каждым поколением снижается. Ведь ребенок не может быть сильнее самого сильного из своих родителей, его уровень равен среднему от родительских. Магия постепенно размывается в обществе, становится такой малой, что ее влияние выражается только в росте удачи.

Петор глянул на меня, понимаю ли. Я кивнул, мол – продолжай.

– Так происходило, пока у нас не стали возрождаться ду-

ши из другого мира. Попаданцы. Видимо, наш мир в какой-то момент стал родственным для их душ. Такие воскресшие не просто оказывались сильными магами, они приносили новые способы применения магии, подталкивали магический прогресс. Их и стали называть Великими. К сожалению, этим Великим было тесно в нашем обществе, почти каждый начинал воевать. А дальше...

Петор сделал театральную паузу.

– А дальше войны пошли по нарастающей. Много войн – много погибших – много воскресших. Много Великих магов – еще больше войн. Такой вот гребаный круговорот войн.

Слова Петора дополнил Мартель:

– Под конец эпохи Великих мясорубка происходила страшная. Половина населения на континенте вымерла. А потом – как отрезало. Перестали у нас возрождаться попаданцы. За долгий период ты первый, о ком мы знаем.

– Почему?

– Думаю, тогда наш мир вышел из родства со стремлениями жителей твоего мира, – предположил Петор. – Вряд ли ваши люди мечтают о том, чтобы жить в нищей стране, по которой постоянно бродят отряды магов и наемников, у которых уже появилось прогрессивное оружие. Эпидемии, голод, банды грабителей...

Мартель дополнил:

– Теперь стало намного стабильнее. Войны идут, без них человечество жить не может, но такой беспорядочной резни,

как во времена Великих, уже нет. Раз появился ты, возможно, наш мир вошел в новый период родства, и попаданцы опять пойдут к нам толпами. Страшно подумать, что будет, если это так.

Мне стало грустно. Я представил, что могут учинить мои современники в этом мире, жестком, но наивном. Море, который получил шанс на какую-то стабильность и может быть разрушен новыми Великими магами, которые будут действовать, как европейцы в Новом свете.

* * *

А потом я вспомнил, что кроме попаданцев есть и другая опасность. Прогресс. Прогресс, который может превратить патриархальные средневековые войны в индустрию геноцида. Если тут уже есть паровозы, то может на очереди и мировые войны?

Хотя... Если судить по проценту погибшего населения, не такие уж они и страшные, эти войны прогресса... Люди Земли прекрасно занимались геноцидом задолго до них, с помощью сабель, луков и эпидемий.

– Давайте перейдем к прогрессу, – вздохнул я.

Начал Петор:

– Общее направление магического прогресса – переход к техномагии. Магию стали соединять с техническими средствами, которыми могут пользоваться и неодаренные. Яркими примерами такого подхода стали паровозы на вечном двигателе, пароплавы с гребными колесами, которые таска-

ют баржи по рекам, стрелометы с активными стрелами, применение магической очистки в металлургии.

– Магия перестала быть искусством немногих, – грустно объяснил Мартель. – Мир становится диктатурой потребителей, и неважно, есть ли у них дар, главное – чтобы были деньги. Маги стали прислугой толпы.

– Раньше мы продавали свои услуги аристократам, теперь толпе купцов – так какая разница? – отмахнулся Петор. – Главное не это. Главное, что само представление о магии изменилось.

– Точно. В магии широко внедрили стандартизацию и специализацию. Магические товары производят на мануфактурах или в мастерских. Маги-рантье заряжают стандартные аккумуляторы. Маги-конструкторы наносят на детали механизма стандартные магические печати. Разработать что-то новое могут единицы, да и те при разработке используют стандартные элементы.

Петор сделал общий вывод:

– Техномагия оказалась удачным путем. С ее помощью достигнуто многое, невозможное раньше. Но это только один из многих путей, остальные забыты. Забыты даже многие знания, которые уже были известны Великим. Вернуться к ним современные маги не сумеют. А среди этих забытых путей должны быть и многообещающие.

Учеба

Магистры не пытались сделать из меня знатока магии. Они давали самые основы.

Много времени я потратил на обучение черчению магических знаков и схем.

Петор при этом бурчал:

– Современные маги уже не учатся этому. Они вместо вычерчивания знаков рукой используют стандартные печати, наносимые штампами. А ведь точность рук развивает точность мышления!

Попутно с черчением я осваивал магический алфавит, который используется в магическом конструировании. Точнее, в схемомагии, предшественнице техномагии.

– Но ведь техномаги сумеют делать всё другими методами. Лучше отработанными. Зачем изучать устаревшие схемы? – удивлялся я.

– Техномаги смотрят узко, – объяснял Петор. – Вот, скажем, магическая защита. За всё время с начала войн Великих ее принципы не изменились. Защита запрещает любую магию внутри тела человека. Прямое нападение на тело – не единственный способ убить, потому схема защиты делается модульной, к основному амулеты можно подключать любое количество дополнительных защит: от воздействия на воздух внутри тела, на воздух около тела, на жидкости в поло-

стях организма, и так далее. Но это еще не всё. Уже мой первый господин научился выбивать защиту, вводя ее в конфликт с другим защитным заклинанием. Чтобы спастись от такого способа взлома, защитный амулет делается составным: один центральный амулет, как правило в виде коробки или сосуда, помещается в безопасное место, к нему прилагаются жетоны-метки, которые носят подзащитные, и амулеты привязки, которые связывают каждый жетон с центральным амулетом.

Всё это было известно еще нашему первому господину.

Техномаги за прошлые века в этой схеме ничего принципиально не изменили, только изобретали всё более изощренные способы обхода защиты и наращивали количество дополнительных модулей. Нарастили до такого количества, что обычный маг не в состоянии в одиночку в них разобраться и выстроить достаточно надежную защиту. Теперь в мире существует несколько магических корпораций, которые торгуют магической безопасностью. Они постоянно развивают методы защиты и ее обхода. Но!

Петор посмотрел на меня, и мне показалось, что череп хитро улыбнулся.

– Но уже мой первый господин знал, как выбивать любые защитные амулеты еще одним способом, способом, который он так и оставил неизвестным обществу.

– И как же он это делал? – заинтересовался я.

– С помощью микроволновки! – это слово он произнес с

акцентом, но на русском. — Он даже изобрел новый магический символ для такого воздействия.

Петор быстро начертил на земле узнаваемое схематической изображение микроволновки: прямоугольник со скругленными углами, с дверцей и круглым переключателем в нижнем углу.

— Это воздействие концентрирует на металлические жетоны какие-то волны, родственные молниям, жетоны нагреваются, от роста температуры разрушаются все магические формы и связи, в том числе привязка жетона к центральному защитному амулету. К сожалению, сам я не понимаю сущности этого воздействия, поэтому для меня «микроволновка» — это не магический знак, а всего лишь странный символ.

Я примерно понял, о каком воздействии идет речь, но заинтересовало меня не это.

— А как случилось, что твой первый господин и я пришли из одного времени, но попали на Гею с разницей на тысячи лет?

Петор оживился.

— На этот счет у меня есть своя теория. На изнанке существуют объекты, в том числе человеческие души, и связи между ними, струны родства. Привычного тебе пространства там нет. Нельзя сказать, что один объект находится от другого на каком-то расстоянии. Зато можно сказать: «Объект А имеет сильную связь с объектом Б и слабую с объектом В» или «Кратчайший путь между объектами А и Б включа-

ет в себя три посредника». Так вот. Я считаю, что время на изнанкевоздействует на объекты, из-за чего души мертвых постепенно распадаются, а вот связи могут проходить сквозь время.

– Это как?

Петор стал чертить:

– Вот смотри. Раньше объект считался точкой на изнанке. Но у него есть свой путь во времени. Значит, он не точка, а траектория. И связь между объектами – не линия, а поверхность. Я полагаю, что у этой поверхности толщина не постоянна, она имеет линию наибольшего уплотнения. И эта линия может быть направлена не поперек времени, а под углом к нему. Тогда самая сильная связь между твоей душой и телом твоего двойника проявится не в одновременности, а в разных моментах, даже эпохах.

Я вздохнул. Потом попросил:

– Знаешь, магистр, это безумно интересно, но до таких высот магической теории я дойду нескоро. Давай перейдем к тому, что полезно на практике.

* * *

Когда я научился рисовать простые схемы мыслеформ, Петор показал, как с помощью процедуры символьного тождества такие схемы переводятся в упрощенные символы на амулетах и печатях.

Также он показал, как сложную схему можно превращать в простой и пригодный для запоминания символ, который

маг может активировать в своем воображении, без применения амулетов.

С этого момента меня можно было считать магом.

— А теперь, мальчик мой, нам нужно решить, какие боевые и защитные мыслеформы ты должен иметь в своей памяти, чтобы использовать их в случае опасности.

— А это точно необходимо? Я не собираюсь никого убивать.

— Но кто-то может собраться убить тебя. У нас не настолько законопослушный мир, чтобы полагаться только на защиту стражи. Хочешь избежать войны — имей превосходство в оружии.

Вопрос о способе атаки был непростым.

Убить незащищенного человека я могу и так, отсечением души от тела. Но есть нюанс. Любое магическое убийство расследуют, если я буду действовать прямолинейно, меня найдут. Существуют амулеты, проверяющие родство магии и мага. Не срабатывает эта проверка, если воздействие проходит через двух посредников, которыми могут стать амулеты, существа или предметы.

Есть и еще один нюанс. Те люди, которые посмеют напасть на мага, наверняка имеют защиту. Защиту, сделанную по стандартам корпораций, торгующих безопасностью. Значит, мой удар должен ее обходить.

Я тут же вспомнил о воздействии «микроволновка». Покрутил в голове самую идею. Радиоволны излучаются где-то в

пространстве, вдали от жертвы. Излучаются так, чтобы концентрироваться на цели. Это как излучение, исходящее из одной точки в пространство, но наоборот. Воздействие на цель происходит чисто физическое, без магии, поэтому защиту не затрагивает, и следа магии не оставляет. Излучение попадает на амулет или жетон, нагревает его...

В голове вспомнилось что-то о котятках, которых нельзя сушить в микроволновке после купания...

Вдруг меня осенило: а зачем концентрировать излучение на жетон, если можно направить его прямо на мозг человека? – Это... Слушай... Эврика!

Стать изобретателем чего-то принципиально нового было ужасно приятно. Пусть даже это способ поджарить человеку мозги, невзирая на его магическую защиту.

Сам факт, что мне, вероятно, придется убивать, я воспринял легко. Вообще об этом не задумался.

Наверное, если бы я был не готов к этому, я возродился бы не на Гее, а в другом мире, там, где прекрасные эльфы катают на розовых единорогах девственных принцесс. Интересно, а как там живут те, кому не посчастливилось быть принцессами? Ведь кто-то должен убирать навоз единорогов?

* * *

Путь от моей гениальной идеи до практического применения оказался непростым.

– А твоя атака будет работать, если человек будет в шлеме с опущенным забралом? – задал первый вопрос Петор.

Пришлось задуматься. Шлем радиоволны не пробьют. Факт. Но если нацеливать удар не на голову, а на шею? На спинной мозг? Должно сработать. А если шея прикрыта кольчугой? А сердце и позвоночник – кирасой? Тогда – проблема. Можно прожарить какой-нибудь нерв,двигающий ногой, и человек упадет. Или рукой. Но для этого надо знать, где находится нерв.

В процессе проработки разных вариантов Петор дал мне схему уязвимых мест человеческого тела. Местные ведьмы хорошо знали анатомию, не хуже земных врачей. Я наметил несколько уязвимых мест для атаки. Конечно, если человек будет полностью закован в железо, мой удар не пройдет. Но сейчас так не ходят, распространение магических стрелометов сделало сплошные доспехи бесполезными. Вместо них теперь бойцы носили прочные шлемы и кирасы. Руки и ноги оставались без защиты, зато экономился вес, за счет чего усиливалась защита головы и груди. А чтобы не умереть от ранений в конечности и живот, в амулеты защиты включили модуль, останавливающий кровотечения от ран.

Когда я окончательно понял, как будет действовать моя атака, мы провели процедуру символьной подмены, теперь для удара мне достаточно представить символ микроволновки, нацеленный на нужную точку.

Я испытал новое умение на нескольких лесных птицах и зайце. Получилось.

– Ну вот. Теперь тебя с полным основанием можно назы-

вать Великим, – порадовался Петор.

* * *

Правота многовековой житейской мудрости Петора скоро подтвердилась. Умение убивать пригодилось мне, причем гораздо раньше, чем я думал.

В один из вечеров мы с Нетяной мирно ужинали, когда к ней приперлись гости. В дверь стали ломиться два дружка, живущие неподалеку, известные на всю деревню лентяи и любители браги. Уже стояла осень, и эти бездельники опробовали яблочный сидр нового урожая.

Моя подруга вышла к двери, открыла, чтобы криком не позориться на всю деревню.

– Ты эта... мы в гости... вот... – доносилось из сеней.

– Я не принимаю гостей.

– Ты чего? Бабы говорят, ты всем даешь, а нам что? Чем мы хуже? У нас сидр!

– Вон пошли, утырки!

– Ах так!

Нетянка вскрикнула. Что-то стукнуло. Мужики втолкнули ее в комнату, дверь заперли. Ребенок ее проснулся, заплакал, испугавшись шума.

Я взбесился. Было бы мое тело постарше, может сдержался бы, а так... гормонов в крови много.

– Так вон оно как! – завелся еще больше один из пришедших, когда увидел меня. – Ему вон можно, а нам нет? – И руку занес, чтобы Нетянку ударить по лицу.

Собственно, на этом его жизнь и закончилась. Тело с пропеченным мозгом упало на пол. Второй застыл с раскрытым ртом и выпученными глазами.

И что с ним делать? Отпустить? Пойдет разносить по деревне вранье о том, как я на его товарища напал ни с того, ни с сего. Потом маги приедут, следствие... Оно мне надо? «Не надо», – честно признал я. И второго тоже убил.

Теперь в комнате лежали два трупа.

Нетянка испугалась, но ей было не до переживаний, она кинулась успокаивать ребенка.

– Мартель, – позвал я.

Призрак тут же появился рядом. Он не мог не прийти на зов господина, даже если добровольно принял его власть.

– Магистр, у меня тут проблема. Посоветоваться хотел.

Нетянка насторожилась, не каждый день к ней незнакомые призраки залетают, но в панику не ударилась.

– Чем убил? – деловито уточнил призрак.

Я ответил.

– Ну, давай так. Ты тела из дома вытащи на огород. А там я на них брошу разложение, от них к утру даже зубов не останется. Перегной между грядками раскидаете.

– А если следствие будет?

– А что следствие? Твоего следа на них нет. Мой след на прахе если кто и найдет, ему придется изрядно постараться, чтобы найти могилу того Великого, отпечаток магии которого лежит на мне. Разве что бабу твою с ведьмой допросят...

но ты тогда сбежать успеешь, тебя не найдут.

Я по очереди взвалил тела на плечи, в темноте вынес их из дома. Магистр колданул на них ускоренное разложение. Хорошая мыслеформа, когда нужно быстро избавиться от лишней органики, только запах при ее работе омерзительный получается. Поэтому в помещениях ее применять не рекомендуется. Но на свежем воздухе – нормально, ветерком уносит.

Нетянку я познакомил с магистром. Пообещал ей, если ей будет угрожать опасность, она сможет призрака позвать, тот появится и всех врагов убьет.

Пропажу двух дебоширов соседи заметили только через несколько дней. Жили они поодиночке, у них даже не было скотины, голодное мычание которой выдавало бы отсутствие хозяев.

К исчезновению односельчане отнеслись спокойно.

«Нет человека – нет проблем», – с облегчением вздохнули одни.

«Нет тела – нет дела», – флегматично решили другие.

«Найдутся. Говно не тонет», – не поверили третьи.

Дорога

У магистров ушло несколько месяцев на то, чтобы ознакомить меня с тем минимумом знаний, который позволит вписаться в столичное общество в роли провинциального мага, пожелавшего сменить место жительства.

Я не стал большим специалистом в схемомании. Но это и не требовалось – у меня есть Петор с его бездонными знаниями, а у Петора есть огромная библиотека чертежей.

Я не стал умелым боевым магом. Но у меня есть Мартель, который и при жизни немало сражался, и после смерти имел опыт участия в войнах в роли призрачной авиации.

Обычаи, принятые в среде магов и в столичном обществе, я тоже усвоил плохо. Тут ничего не поделаешь – попытаюсь списать это на свою провинциальность.

Недостаток знаний в маготехнике не мешает, я всегда могу выдать себя за мага-рантье, живущего зарядкой аккумуляторов.

Когда сошел снег и дороги начали подсыхать, мы решили, что мне пора ехать в столицу.

– Господин, надо еще определиться с защитой, – заикнулся Петор.

– А что не так с имеющимися амулетами?

– Они устарели.

Стали обсуждать этот немаловажный вопрос.

Самый простой вариант – заплатить денежку одной из корпораций, который торгуют защитными жетонами. Они, якобы, обеспечивают непробиваемую (ха-ха!) защиту, самую лучшую из возможных.

– Нельзя свою безопасность отдавать на откуп неизвестно кому! – категорически не согласился Петор.

Я сначала хотел поспорить. На Земле у меня за безопасность компьютера отвечал производитель антивируса, скажем, и вроде нормально было. Потом вспомнил, как когда-то установил один антивирус, а потом чтобы его удалить, пришлось всю систему переустанавливать, да еще не просто так, а с вывертом... И истории о том, как злоумышленники и спецслужбы подключаются к видеокамерам и микрофонам любой техники сложнее кофемолки... И удобные, но небезопасные штучки вроде облачных данных, в которых неизвестно кто копается без ведома хозяина... В общем, подумал я об вот этом вот всём, и согласился с Петором.

Мартель высказался:

– Я считаю, абсолютной защиты всё равно не бывает. Поэтому мы должны разумно ограничить набор модулей. Иначе опытный злоумышленник сумеет устроить конфликт между ними и выбить защиту.

Петор покивал головой, понимающе переглянувшись с Мартелем. Видно, когда-то они сами устраивали что-то похожее.

– Магистры. Я не могу судить о таких сложных вещах. Ре-

шите как-нибудь сами.

Мои мертвые слуги надолго зависли, обсуждая принципы защиты и то, какие модули нужны.

Решили, что главный амулет они сделают из небольшого золотого кубка и прикопают прямо в подzemелье, в дальнем углу. Тут он и останется навечно, под защитой тайны и магических ловушек.

На шею мне и Петору мы повесим жетоны-метки, привязанные к этому кубку. И еще десяток жетоном возьмем с собой. А если мне придется защищать большее число людей, или захочу как-то изменить функции защиты, можно будет сделать другой амулет.

По набору защитных функций призраки решили, кроме обычного запрета магии, направленной на тело подзащитного, сосредоточиться на отклонении артефактных стрел, которые используют в стрелометах. Они – самое вероятное оружие убийства, если кто-то на меня покусится. Плюс добавили в амулет медицинские функции: защиту от отравления, повышение иммунитета, остановку кровотечений при ранении.

* * *

Я привык к Нетяне, мне с ней было хорошо и удобно.

Потому я пригласил ее с собой в столицу.

А она отказалась.

– Пойми, милый, здесь я хозяйка, у меня дом, земля, скотиной обжилась, спасибо тебе. А там я кем стану? Служан-

кой? А сын мой кем станет, когда подрастет?

Я не ожидал отказа. Сначала растерялся. Когда собрал мысли в кучку, спросил:

– Но я же уеду. Как ты будешь одна?

– Этой зимой Гринь овдовел, жена родами померла. У него ребеночка два, хозяйка в дом нужна. Он мужик спокойный, работающий, хозяйственный, и уже мне намеки делал. Я попросила его не торопиться, а как ты уедешь, так мы и сойдемся. Я ребеночка ему сразу рожу... – лицо женщины стало мечтательным.

– Ну, если Гринь... и ребеночек... – погрустнел я.

Жалко было расставаться. И немного обидно, что меня Нетяна вроде как бросила, променяла на какого-то мужика. Я ей, правда, не обещал ни замужества, ни любви до гроба, ни детей. И всё равно обидно.

Если бы Нетяна раньше сказала, что хочет ребенка, я бы может и согласился. Но она не сказала, а сам я не догадался. А теперь – уже поздно.

В день моего отъезда мы попрощались на пороге Нетянина дома. Обнялись. У нее глаза заблестели от слез. Но решение остаться она не отменила.

* * *

Мне пришлось всю подготовку переезда взять на себя. Больше некому было, появление в городе или деревне ходячего скелета вызвало бы слишком много разговоров и вопросов.

Я заранее сходил в город, обменял немного древнего серебра на современные деньги. Пошил у портного новую одежду, приличную обеспеченному горожанину-магу.

Для перевозки имущества приобрел пару тягловых лошадей, повозку-фургон с полотняным тентом и несколько сундуков.

Петор выполнял работу грузчика. Он в одиночку таскал сундуки, наполненные тяжелыми ценностями.

Казалось бы, три пуда золота – это много. Но на самом деле – по объему этим даже небольшое ведерко не наполнишь, плотность чистого золота почти в двадцать раз выше плотности воды. Ювелирного – раз в пятнадцать. Всё золото, расфасованное по мешочкам, сложили в один сундук, оставшийся его объем заполнили свитками с магическими схемами.

Еще один сундук, не очень большой, наполнили серебром. Двенадцать пудов, примерно две сотни килограммов. Серебро не такое плотное, как золото, но тоже разместилось на дне сундука, сверху дополнили свитками.

Специально купленный ящик из железного листа заполнили амулетами. Металлический ящик покупать пришлось, чтобы амулеты не выдавали себя в магическом зрении блеском, через дерево они просвечивают. Когда кто-то везет такое количество магических предметов, это у любого встречного мага или ведьмы вызовет вопросы.

Амулеты упаковали в связки и мешочки по видам. Несколько связок защитных, еще несколько – других, в том

числе от зачатия, лечебные, для сохранения продуктов, и прочие всякие разные.

Амулеты эти для нас особой ценности не имеют, при наличии схем мы можем их сделать столько, сколько нужно. Но минимальный запас готовых иметь надо. Ведьмы у нас с собой нет, вдруг я заболею, например, тогда лечебный пригодится. Или найму слуг и нужно будет их защитить. Или куплю лошадей, и их тоже надо будет защитить. Те амулеты, которые не пригодятся, продать можно. Любая магическая штукавина стоит дорого.

Еще один сундук мы наполнили самым лучшим оружием и доспехом. Хотя они и устарели, могут пригодиться. В крайнем случае, в гостиную поставлю, красиво получится.

Один шлем и кирасу положили сверху – это на случай, если будет грозить опасность. Кинжал я себе на пояс прицепил. Правда, пользоваться им я не умел, но оружие на поясе иметь необходимо, чтобы свой статус показать. Я маг, а не какой-нибудь торговец.

Все мои вещи, одежда, одеяла, палатка, котелок, поместились в один ларь. Туда же влез запас продуктов в дорогу. На мешок с продуктами я прицепил амулет сохранения, чтобы не протухло ничего.

Остальной объем повозки забили мешками и коробами с книгами. В замке была большая библиотека. Петор после его разрушения заботливо защитил уцелевшие манускрипты и свитки. Некоторые имели научную и практическую цен-

ность даже сейчас. Во многих книгах, которые устарели, Петор выскоблил первоначальные тексты с пергаментных страниц и на них потом рисовал свои схемы, которых разработал за время подземного заключения множество. Много было и схем, нарисованных скелетом со слов Мартеля, тот подсмотрел их в лабораториях магов во время своих разведочных вояжей.

Когда собрались, оказалось, что возницей кроме меня работать больше некому. Петор повозками никогда не управлял, ему незачем, он – магистр. Мартель в быту вообще бесполезен, у него нет материальных рук. К счастью, Ковкун умел управляться с тягловыми лошадками, его память мне помогла.

Я щелкнул в воздухе бичом, и наши коняшки тронулись в путь.

* * *

Повозка уныло катилась по тракту. Колеса постукивали железными ободами по неровностям на утрамбованной щебенке. Мы были в пути уже три дня. Все дорожные прелести, в том числе любование пейзажами и разглядывание окрестных домов и встреченных людей, нам приелись.

Я сидел на козлах, иногда дергая вожжами, чтобы лошадки не заснули на ходу. Петор спрятался под тентом, рыцарь в древних доспехах был слишком заметным и возбуждал любопытство. Невидимый Мартель вел разведку дороги впереди, иногда возвращался, чтобы отчитаться.

Сзади послышался звон колокольчика и шипение. Нас обгонял паровоз. Это была дорогая мощная модель, он мчался со скоростью лошадиного галопа.

Когда машина пролетала мимо нашей повозки, водитель зачем-то зазвякал колокольчиком снова. Мои лошади испугались, рванули в сторону обочины. Повозку тряхнуло.

– Стой!! – заорал я и натянул вожжи.

Лошади остановились.

Петор не понял, кому я кричу, и решил, что я хочу остановить пролетевший рядом паровоз. Наверное, подумал, что я хочу проучить наглецов.

У магистра с богатым боевым опытом реакция мгновенная. Перед машиной мигнула магия. Паровоз влетел на полном ходу в область действия этой мыслеформы. По инерции проскочил ее насквозь, прокатился метров двадцать и остановился.

Никто больше никуда не мчался. Все магические печати, которых в конструкции паровоза было множество, разрядились. Паровоз превратился в странную повозку, способную двигаться, только если ее будут тянуть кони.

После нескольких мгновений замешательства из кабины паровоза раздался женский визг.

Мы с Петором заинтересовались. И Мартель подлетел, завис рядом с нами. Сидим, смотрим, что там происходит.

Из кабины паровоза, не переставая визжать, выскочила полуголая женщина, прикрывающая грудь полосой ткани.

Еще несколько тряпок обмотались вокруг ее бедер и ног. Женщина окончательно запуталась, остановилась.

С другой стороны кабины выскочил мужчина. Толстенький, седой, одет роскошно. Он подбежал к женщине, простирая к ней руки. Попытался натянуть тряпки на ее плечи и голую спину. Хватался за предметы туалета, упавшие к ногам. Женщина отбивалась от его помощи.

– Это что там происходит? – я даже о лошадях забыл, они этим воспользовались и стали мирно ощипывать придорожные кусты.

– Я плоский антимагический щит поставил перед машиной. Думал, она своим капотом в него въедет и остановится, – объяснил Петор. – А она насквозь по инерции проскочила. И вся магия, которая была в паровозе и на пассажирах, слетела.

– А чего дама полуголая?

Загадку разгадал Мартель:

– У нее вся одежда была на магических защелках. Они перестали действовать, одежда и упала.

– Зачем на такую глупость магию тратить?

– Красиво. Она пальчиком «щелк» по медальону, а с нее одежда слетает, волнами скользит по коже вниз и ложится на пол около ног. Сначала платье, потом рубашка, потом белье... А любовник любит и радуется.

– Глупость какая, – не понял смысла Петор.

– Почему глупость? – не согласился я. – Богатые всегда

стремятся как-то подчеркнуть свое богатство. В том числе и такими штучками. Это отделяет их от толпы менее удачливых, от тех, кто не может себе позволить потратить золотой только на то, чтобы тряпки красиво слетали с женского тела.

– То есть, смысл в том, чтобы потратить золотой на то, чтобы показать, что ты можешь потратить золотой?

– Ну!

– Безумный век.

– Люди не меняются, – возразил Петору Мартель. – Просто раньше им хватало золотой цепи на шее. Теперь этого мало, приходится изгаляться.

* * *

Мы поехали дальше.

Мимо парочки, которая прекратила панику и теперь осыпала ругательствами водителя паровоза, а тот вжал голову в плечи и оправдывался.

Они были так заняты собой, что скромную крестьянскую повозку даже не заметили. А зря, между прочим. Теперь водителю придется идти за помощью в ближайшую деревню пешком, а пассажирам – ждать его на дороге.

* * *

На следующий день под вечер на дорогу вышла женщина. Ведьма, довольно приличной силы, уровнем около двойки. Она стояла и ждала нас.

Магистры предупреждали меня о тяге ведьм к сильным некромантам, так что я не был удивлен.

А вот ведьма удивлялась. Интуиция говорила ей, что к ней приближается сильный маг, потенциальный кандидат на зачатие одаренного потомства. А глазами она видела грудку амулетов в телеге и небогато одетого парня с уровнем между двойкой и тройкой.

Магистрам удалось замаскировать мой уровень. Теперь в магическом зрении я выгляжу, как слабый маг, у которого на шее висит мощный защитный амулет, и еще пара амулетов послабее – на запястьях.

– Здравствуй, красавчик, – ведьма приветствовала меня с сомнением, она не понимала, как поступить. Вроде испытывает ко мне симпатию, и в животе бабочки порхают, а почему – непонятно.

– Привет. Переночевать усталого путникапустишь? – мне было любопытно познакомиться с настоящей ведьмой. Первой, которую я встретил в этом мире.

– Ну сворачивай, – улыбнулась она. Голос у нее был мягким, чуть хриплым.

Ведьма пошла впереди повозки по узкой грунтовке, ведущей к одинокому дому в стороне от тракта.

В дворе бегал здоровенный послушный пес. В коровнике и конюшне стоял скот. Куры шеренгой шли вдоль забора, выклеывая всё съедобное под ногами. За домом виднелся огород и посадки каких-то трав, то ли специй, то ли лечебных. Дом был кирпичным, большим.

– Какой у тебя винтажный конструкт! – восхитилась ведь-

ма, когда из повозки выбрался Петор.

– Сама ты дура винтажная, – беззлобно ругнулся мертвый маг.

У ведьмы опустилась челюсть. Потом она ее подобрала и выругалась, но тоже беззлобно.

Петор мог себе позволить ругаться с ведьмой – на нем было навешано достаточно защитных амулетов и печатей. Вот Мартель проявляться не спешил – развеять беззащитного призрака ведьма может легко. И живому человеку ссориться с ведьмой не стоит – как известно, живые люди склонны болеть, а ведьмы умеют заражать самыми экзотическими болезнями.

* * *

Жила она богато, но скромно. Столовые приборы были из серебра, среди горшков затесался золотой котелок, очевидно предназначенный для каких-то химических целей. На полках стояли графины и вазы из стекла, прозрачного и цветного, весьма хорошего качества. Тарелки были из терракоты с глазурью и красивыми росписями. Мебель же оказалась из обычного дерева, надежная, но не поражающая красотой и изысками. И в одежде было так: на вешалке шуба из кунницы соседствовала с овчинным тулупом и простым пальто из шерстяной ткани.

Хозяйка показала мне гостевую спальню, куда можно было бросить вещи, и засуетилась на кухне, собирая ужин.

Общаться с ведьмой оказалось приятно. Она тонко чув-

ствовала собеседника и в ее обществе я сразу почувствовал себя свободно, как будто мы давно знакомы. Мне было интересно слушать ее разговоры ни о чем. Хотя она не вдавалась в какие-то серьезные темы, из ее рассказов и историй я узнавал многое о жизни ведьм, порядках в магическом сообществе, о бытовых новшествах, которые в городах уже привычны, а до деревень доберутся нескоро.

* * *

Мы без долгих игр отправились в постель. Ведьма оказалась превосходной любовницей. Ее тело подстраивалось под мои желания, она действовала умело и смело. В любой момент времени она была такой, какой я ее хотел видеть: чувствительной, ласковой, игривой или страстной.

– Ты ведь не против, если я рожу от тебя девочку? – спросила у меня в первую же ночь размякшая женщина.

Я был не против. На меня это не накладывало никаких обязательств.

Мы прожили у ведьмы неделю.

А потом я понял, что пора. И на следующее утро мы уехали.

Ведьма провожала нас с улыбкой, машинально поглаживая ладонью живот. Она была беременна.

– Я думал, ты там надолго останешься, – удивился Мартель, когда мы отъехали подальше.

– Да, хорошая ведьма, – согласился Петор.

– Хорошая, – согласился я.

Мне было грустно. Наверное, мне еще долго будет вспоминаться ее упругое тело, хриплый стон, горячие ласки. Она была прекрасна. Но... с ней всё получалось слишком легко. Слишком сладко и слишком просто. Женщину надо завоевывать, тогда победа над ней ценна. А если крепость встречает тебя на дороге с белым флагом в руках – какая в этом победа?

* * *

Мы двигались неторопливо по тракту.

Обычно ночевали на постоялых дворах. Петор оставался в повозке – и чтобы не вызывать пересудов своим видом, и груз сторожил. Наше имущество по стоимости приближалось к небольшому замку или роскошной вилле, оставлять его без сторожа было рискованно, как бы хозяева дворов ни клялись, что у них не воруют.

На одном из постоялых дворов, когда я поднялся в комнату, передо мной проявился Мартель.

– Хозяин со слугами что-то недоброе замыслили. Он приказал сторожу заглянуть к нам под тент, проверить сундуки.

– Пусть проверяет. Петору будет развлечение.

– Ты дверь запри на ночь.

Дверь я запер, конечно. Призрак присматривал, чтобы на меня не попытались напасть. Скелет сторожил имущество.

Ночь прошла тихо.

Только когда мы выехали на тракт, Петор рассказал:

– Ночью приходил сторож, пытался залезть в нашу повоз-

ку.

– ?

– На нем защитный амулет был, я не стал рисковать с магией, мизерикордом его в висок ударил. Тихо, быстро, чисто.

– А тело?

– На кучу навоза отнес и кинул на него ускоренное разложение. Только амулет, оружие и медные пуговицы пришлось с трупа снять, чтобы не нашли. Я их под соломенную стреху конюшни засунул. К утру от тела ничего не осталось.

– И что, не задумались, куда он делся?

– Задумались, – ответил Мартель. – Хозяин слуг спрашивал. Никто ничего не видел, не слышал. Он же не мог у тебя поинтересоваться: «Не знаешь ли, куда мой слуга делся, который тебя обокрасть хотел?». Вот он и промолчал.

Это приключение оказалось в пути последним. Через день мы добрались до столицы.

Дело о поиске служанки

При подъезде к городу Мрянъ, столице королевства Свавия, под ноги лошадям выскочил мальчишка. Он подбежал к козлам и завопил о самом лучшем в королевстве постоялом дворе для господ, которые ценят комфорт и умеют считать деньги. В переводе на более понятный для меня язык речь шла о гостинице, рассчитанной на слой небогатых господ и зажиточных уважаемых. Ко мне мальчишка бросился, резонно решив, что если у человека на поясе кинжал – он господин, а если он сам управляет крестьянской повозкой и одет в простую одежду, то богатым он быть не может.

Мне такой вариант жилья подходил. В нем проще оставаться незаметным, а выставляться напоказ в высшем обществе мне сейчас рано. Я слишком многого не знаю, буду выглядеть лохом. Быть лохом с большими деньгами – дело не только вредное для репутации, но и опасное.

На постоялом дворе я планировал задержаться на несколько дней или даже на месяц, пока не подыщу постоянное жилье.

При знакомстве с хозяином двора я его сразу предупредил, что груз моей повозки находится под магической защитой, попросил оповестить всех слуг, чтобы не совались. А то они исчезнут, ко мне вопросы будут, репутация двора пострадает – зачем нам такое? Хозяин оказался понимающим.

Может, степень его понятливости зависела еще и от того, что я оставался надолго, со мной ссориться более рискованно, чем с человеком, который вечером приехал, а утром уедет.

Комната, куда меня поселили, ничем особенным не удивила, а вот баня – да. В гостинице была горячая вода. В печку вмонтировали бак для нагрева, трубы проложили на кухню и в баню. В бане, кроме обычных каменных скамеек для мытья из шаяк, поставили еще и ванную, где можно было поваляться в горячей воде.

Девушки-служанки тоже присутствовали, со смешками предлагали потереть мне спинку. Я отказался. После недели, проведенной у ведьмы, простые девушки выглядели слишком серо. Если уж заниматься пошлым развратом, то делать это надо изысканно, а не вот так.

* * *

Как мне найти жилье, подсказал Мартель. Он во время разведки города заметил доску объявлений около муниципалитета. Объявления были обычным способом найти нужное. Около рынка были многочисленные доски, обклеенные листками на тему найма работников. На муниципалитете – небольшая доска, где предлагались дома, выставленные на продажу или в аренду, а рядом – еще одна, с предлагаемыми муниципальными контрактами. Ведущее место на ней занимали листки с предложением платы за вывоз мусора в разных районах и очистку канализации.

Да, в городе была канализация. Под мостовой улиц про-

ходили ее тоннели, куда были проложены трубы для стока дождевой воды, слива помоев и нечистот. Рядом с каждым домом был пристроен маленький сарайчик, где находилась сливная решетка, а в богатых домах даже ванны и раковины со сливами были устроены.

С водопроводом было сложнее. В городских домах его не было. Говорят, в королевском дворце был, вода из реки самотеком поступала по трубе в бассейн, на кухню и в баню. Горожане же таскали воду из фонтанов и колодцев. Бедные сами таскали, а у богатых для таких работ имелись слуги.

С утра я отправился к муниципалитету и переписал названия улиц и домов, который были выставлены на продажу. Адреса выглядели примерно так: «Улица Портных, третий дом от начала по правую руку, дверь с ручкой в форме львиной морды» или «Ювелирная улица, дом с пляшущей девкой на вывеске».

Я не знал города.

Мартель хоть и умел мгновенно перемещаться, не мог мне помочь, потому что вывесок с названиями улиц не было, а спрашивать у прохожих я ему запретил. В городе каждый десятый – пусть слабенький, но маг. Если какой-то призрак станет приставать к прохожим, его могут и развеять.

Бродить пешком по всему городу в поисках улиц, названия которых мне ни о чем не говорят – не вариант. Хотя бы потому, что город большой. Даже огромный. В нем населения миллион человек, а размеры – несколько километров от

центра до окраин.

И что делать?

– Красавчик, чего насупился? – послышался сбоку звонкий девичий голос.

Ведьма. Слабенькая, но бойкая и веселая.

– Озадачен я, красавица. Озадачен.

– Так может, помочь чем? – взяла она меня под руку. – Меня, кстати, Брила зовут.

– Советом помоги.

Я рассказал ведьме о проблеме.

– Показывай, что ты там себе выписал, – она быстро прошлась по списку. – Вот это не подойдет, плохой район. Вот это в таких далеких гребенях, что и городом не считается. Здесь дома богатые, но публика беспокойная.

Она ткнула пальчиком в следующую строку:

– Вот тут любят маги-рантье селиться, и я рядом живу, – девушка скосила глазки, намекая, что «рядом» – это приглашение. – А вот тут – богачи живут, у тебя на такой дом денег не хватит...

– Хватит, или не хватит, это я сам решу, – я пометил место.

Так мы прошлись по всем вариантам. Я спросил, как пройти к первому адресу, который хотел посмотреть. Тому самому дому, где для богатых.

– Может, я составлю тебе компанию? – предложила ведьмочка. – До ужина я совершенно свободна. Да и после – тоже.

– Пожалуй, – согласился я.

Лучше иметь под рукой человека, который ориентируется в городе и местных порядках, чем самому набивать шишки.

Тут же девушка доказала свою полезность и практичность:

– Тогда идем, я покажу, где извозчика нанять. Ты его сразу до вечера найми, чтобы все нужные адреса объездить.

Я так и поступил.

* * *

Мы объехали семь домов. Два оказались роскошными особняками.

В один меня даже пускать не хотели, напыщенный лакей в ливрее заявил, что его господин не станет общаться с голодранцем.

– Серьезно? С таким подходом вы дом не продадите... – для вида пробурчал я.

Впрочем, настаивать я не стал. Мраморные колонны, большой двор, и сам дом большой. Дорого, ненужно и слишком заметно.

Во второй особняк я прошел внутрь, посмотреть, больше из любопытства.

Там жила семья слуг, хозяева давно умерли, а наследникам дом был не нужен. Цена у него была установлена заоблачная.

– За такие деньги можно замок построить, – пробурчал мне на ухо невидимый Мартель.

Мартель был прав. Но и владельцы особняка были не дураками – пустых участков земли около дворца не было, а значит рано или поздно кто-нибудь этот дом купит. Потому что выбора нет. Хочешь жить среди аристократов – плати.

Когда я прошелся по особняку и двору, слуга смотрел на меня с надеждой – ему надоело сидеть в пустом здании, хотелось найти уже себе хозяев, чтобы люди вокруг были, веселье, жизнь. Но я ему помочь в этом не мог.

Еще четыре дома оказались маленькими. В таких ма-ги-рантье любят жить, как подсказала ведьма.

Один из них оказался старым, каким-то ветхим. Полы скрипят, стены потемнели, наверное, и крыша протекает.

Еще два стояли в плохом районе. Не совсем бедном, но вокруг – такие же маленькие домики. Мне не подходит – я же собираюсь каким-то делом заниматься, а для дела нужны клиенты, а клиентов проще искать на респектабельных улицах.

Четвертый домик был маленьким, но уютным. Но слишком маленьким. В одиночку в нем можно жить, можно вдвоем со служанкой, а больше – никак. А мне надо где-то разместить призраков, и место для библиотеки, и для мастерской, и для приема клиентов...

В результате, из всех вариантов подошел всего один.

Дом был среднего размера, трехэтажный, стоял на улице Портных. Вокруг – мастерские и лавки. Значит, респектабельная публика там бывает регулярно, что плюс. На пер-

вом этаже была гостиная и кабинет, где можно принимать посетителей. Ну, и кухня, конечно, с небольшой столовой. На втором – спальни, будуар, библиотека. Третий этаж, мансарда, отдан слугам.

К дому прилагалась мебель, кухонная утварь и немолодая служанка. Она мне всё и показывала.

Я договорился, что служанка вызовет поверенного для согласования всех деталей. Предупредил, что оплачивать буду золотом в древних монетах, по весу. Нынешние монеты почти вдвое легче.

А затем откланялся.

* * *

В благодарность за помощь я отвел Брилу поужинать в ресторан, который она сама выбрала. Потом она пригласила меня к себе, и я провел у нее ночь.

– Приходи еще, – предложила ведьмочка утром.

– Приду, – пообещал я.

Мне понравились ее легкий характер и юное тело.

– Когда поселишься в новый дом, я буду знать, где ты живешь, – улыбнулась Брила. – Если в гости приду,пустишь?

– Лучше предупреждай, – попросил я. – Мало ли...

Это был не тот ответ, на который надеялась ведьмочка, но другого у меня для нее не было.

* * *

Поверенный оформил все бумаги за день. А на следующий я наметил вселение.

На въезде в город я заплатил пошлину на уборку навоза за двух своих коняшек и поехал на повозке к дому. Мартель подрабатывал навигатором, присматривал сверху, помогал мне не заблудиться в кривых узких улочках.

Ехали медленно, кое-где пришлось проталкиваться через толпу, кое-где приходилось уступать дорогу паровозам. Так или иначе, доехали без приключений.

– Доброго утречка, господин, – встретила меня в двери служанка.

Я пробубнил ответное приветствие. Потом скомандовал:

– Петор, выгружай.

– Ой! – сказала служанка, когда из-под тента появился здоровенный воин, с ног до головы в старинных доспехах. Поверх доспехов на нем был такой же старинный плащ-сюрко с изображением медведя на гербе.

Кроме прочих полезных функций эти доспехи добавляли мертвому магистру веса. Сам его костяк весит немного, а в некоторых делах недостаточно быть сильным, надо еще и массу определенную иметь. Иначе захочешь ты шкаф подвинуть, например, – а нет, ноги скользят по полу. Или в поединок с человеком вступишь, а он тебя пинком отшвыривает, потому что ты легкий. А в доспехах магистр весит, как тощий человек, это вполне практично.

Петор бодро перетаскал тяжелые сундуки и расставил их по комнатам. Он остался дома, а я увел повозку обратно на постоянный двор – договорился продать ее там. Держать ло-

шадей в городе – лишняя головная боль, которая мне ни к чему. И затраты.

Вернулся я на пролетке.

* * *

Петор стучал на втором этаже. Он перетаскивал книги и свитки в библиотеку, расставлял их там на полках.

Служанка сидела на кухне и вид у нее был бледным.

– Ты чего такая смущенная?

– Ваш слуга, он странный какой-то, – проблеяла женщина. – Я его боюсь. И голос у него не людской.

Тут Петор услышал, что я вернулся, спустился со второго этажа.

– Господин, а куда золото класть? – появился он в дверях.

– Ой, – услышал я сзади, а потом что-то мягко упало. Застучала по полу опрокинутая табуретка. Зазвенела поварешка.

Я обернулся. Служанка лежала на полу без чувств.

– Вот же ж! – хлопнул я себя по лбу. – Надо было предупредить ее, что ты мертвый.

Петор, пока был на улице, ходил с опущенным забралом. А в доме он его поднял, так ему смотреть удобнее. Поднял, и теперь из-под шлема смущенно щелкал челюстью его голый череп, выкрашенный в веселенький желтый цвет и покрытый лаком. Я к этому зрелищу уже привык, а вот для служанки оно оказалось слишком внезапным.

Я пощупал женщину. Та была жива. Просто в обмороке.

Похлестал ее легонько по щекам. Очнулась.

Дал воды. Она пила, захлебываясь, и боялась поднять глаза.

– Не пугайся так. Это просто мой слуга. Он давно умер, но это не делает его страшным.

– Точно! Страшным человека делает не смерть, а поступки, – хохотнул Петор.

– Ой, мамочки! – усомнилась в моих словах служанка.

– Ты не обращай внимания на него. Просто занимайся своей работой. А он будет заниматься своей.

Женщина покивала.

Мертвец ушел наверх, а служанка занялась обедом.

А я стал бродить по дому, прикидывая, где хранить материальные ценности. Получалось, надо в кабинете сделать дополнительную стенку, отделить в нем кладовку-сокровищницу. Небольшую, чтобы три-четыре сундучка можно было поставить на полках и весы для драгметаллов.

* * *

За обедом, когда я уже начал есть, я опять услышал «Ой!» и звук мягкого падения.

– А чего это она? – спросил удивленный Мартель.

Призрак решил, что раз он дома, то прятаться в невидимости ему больше не нужно. Ну и вот. Призрак – передо мной, служанка – в обмороке.

Я опять привел женщину в чувства. Плеснул ей вина. Она выпила.

Потом глянула на меня и говорит:

– Знаете, господин, я, наверное, не смогу тут работать. Вы уж отпустите меня. В деревню поеду. Устала я что-то...

Я попытался уговорить служанку остаться, но та ни в какую. Единственное, договорились, что она две недели работает, пока я ей замену буду искать. А за это время в ее присутствии Мартель не станет появляться видимым, а Петор – поднимать забрало.

* * *

Мы собрались на военный совет в кабинете.

– Ты прости нас, господин. Не знали мы, что она такая трепетная, – смущался Петор.

– Надо другую служанку искать. Без служанки – никак, – Мартель был настроен практично.

Я и сам понимал, что никак. Кто будет стирать, убирать и готовить? Кто принесет воду из фонтана? Кто ее нагреет для купания? Кто зимой будет топить печь? Кто купит продукты на рынке? В отсутствие бытовой техники и прочих достижений цивилизации эта каждодневная работа займет всё мое время. Переквалифицироваться в домработника, обслуживающего самого себя, я не планировал. Загружать такой работой магистра Петора было бы даже стыдно. Так что да, жить без прислуги – невозможно.

– Я видел, около рынка есть объявления о работе для служанок, – предложил Мартель. – Нам бы тоже туда повесить.

Призрак продиктовал мне примерный текст. Я написал

его на листе шелковой бумаги.

Да, тут изобрели аналог бумаги. В отличие от Земли, тут никто не догадался варить древесину, чтобы она разложилась в целлюлозу. Вместо этого ведьмы вывели особую породу шелковичных гусениц, которые заплетают своей паутиной прямоугольные рамки, а потом эту паутину прессуют в тонкие плотные листы. Получается такая бумага недешевой, но в разы дешевле и намного удобнее пергамента.

Потом я сходил к рынку, повесил объявление на той доске, где речь шла о найме служанок.

И стал ждать.

* * *

Первая кандидатка в новые служанки пришла с утра. Это была жилистая и ширококостная крестьянка, точнее, старая дева лет двадцати. Она смущенно переминалась с ноги на ногу, пытаясь спрятать босые грязные ступни под длинной юбкой.

Моя нынешняя служанка брезгливо поджимала при ее виде губы.

Девушка была некрасива, неуклюжа, неопрятно одета и, судя по всему, не сильно умная.

Единственным ее достоинством были толстые длинные косы, свисающие сзади до колен. Крестьяне верили, что длинные волосы дают женщинам удачу в родах. Научная магия это отрицала, но когда речь заходит об Удаче – это вопрос веры, а не науки. Вера в Удачу заменяла на Гее рели-

гию.

В моем присутствии служанка опросила девицу.

Как и полагается крестьянской девке, она умела работать по дому, но... есть нюансы. Работать по дому в деревне и в городе – разные вещи. В городе надо знать цены на продукты и работы, надо уметь убирать по-городскому, а не просто метлой подметать земляной пол, много чего надо. И много чего не надо – доить и кормить скот, например.

Последнюю точку в судьбе кандидатки поставило неумение писать. Это допустимо для горничной в большом доме, но не для единственной служанки, по сути – экономки. Экономка, в отличие от обычной хозяйки, должна не просто заниматься хозяйством, но и вести учетные книги. А иначе возникнет тема для воровства, со временем маленькое воровство приведет к большому предательству.

Девушке я отказал. Потом жалел – у каждой из других кандидаток оказались еще большие недостатки.

* * *

Вторая кандидатка была девушкой городской. Молодая, дорого и опрятно одетая, даже красивая. Ну, если не считать слишком крупный нос с горбинкой.

Девушка уточнила, женат ли я, и сразу предложила платить ей вдвое выше обычной ставки.

После короткого разговора у меня сложилось впечатление, что эта кандидатка планировала все свои таланты направить на согревание моей постели. Дело неплохое, но

есть два «но». По сравнению с ведьмами девушка выглядела бледновато, это раз. И – если она считает, что главное ее достоинство – постель, почти наверняка ее работа по хозяйству будет выполняться спустя рукава. А мне нужна именно работа.

В конечном итоге, сама девица заявила, что она не готова идти ко мне работать, и ушла.

* * *

Третья, хорошо одетая молодуха лет двадцати пяти, вошла с гордо поднятым носом и заявила, что она прислуживала в доме князя Копецкого.

Собеседование показало, что она вполне компетентна. И я даже готов был платить ей удвоенную ставку, как она хотела.

Но эта гордая прислуга заявила, что мой дом недостаточно велик, и вообще она планировала устроиться к аристократу.

* * *

Одна кандидатка пришла с сильным запахом пива, потрепанная, со щербатыми зубами, немолодая – лет тридцати. Похоже, в пивной подрабатывала, а тут вдруг решила в домовые служанки податься.

– А ты, господин, женат? – окинула она меня оценивающим взглядом. – А то если не женат, то доплати полставки, я с тобой постель делить стану.

Я посмотрел на нее. Подошел к зеркалу, посмотрел на себя.

– Скажи, а почему ты решила, что это я тебе должен платить за постель, а не наоборот?

* * *

Еще пять кандидаток разной степени соответствия отказались идти ко мне на работу, когда узнали, что я некромант и у меня в доме проживает скелет и призрак.

Все эти переговоры заняли несколько дней. Время шло, а новой служанки не находилось.

Я поговорил со старой. Предложил передумать и остаться.

Та в последнее время выглядела бледной, подскакивала при неожиданных звуках и роняла посуду при виде Петора. Служанка от моего предложения отказалась, она округлила глаза и так быстро завертела головой из стороны в сторону, что я побоялся – отвалится.

– Это ужас какой-то, – вздохнул я, когда остался один.

– Надо объявление переписать, – рядом возник Мартель. – Написать, что служанку надо в дом некроманта, чтобы мертвецов любила и призраков.

– «Любила» – это слишком, но в целом согласен.

Я написал новый текст на листке бумаги:

«В дом некроманта требуется прислуга. Нужно уметь содержать дом и готовить, не бояться скелетов и призраков».

Сходил к рынку и поменял свое старое объявление на новое.

После этого поток кандидаток прекратился. Вообще.

* * *

До отъезда служанки оставалось меньше недели, а заметить ее было нечем.

– Что будем делать? – поинтересовался я у магистров.

Новую идею выдвинул Мартель:

– Я видел бульварные листки, называется «газета». Их на специальных досках на площадях развешивают каждую неделю. Там новости пишут. Так вот, там я видел объявления, среди прочего – и о поиске прислуги.

Я сходил на площадь, посмотрел на этот листок.

Это был не один листок, а несколько. Каждая листовка – размером с земную бумагу для принтеров. Она была сделана не типографским способом, на Гее его не изобрели, а литографией. Писатель наносил жирным карандашом текст на поверхность камня или металлической пластины, художник дополнял текст рисунками, потом поверхность травилась кислотой. Дальше готовое клише мазали краской и под прессом переносили на бумагу. При переносе изображение получалось зеркальным, менялись местами право и лево, потому вводилась дополнительная деталь – писатель писал не прямо на пластине клише, а на ткани, которая перед травлением приклеивалась еще влажной краской к его поверхности.

Внизу листовки, под новостями, действительно был блок рекламных объявлений. Центральное место в нем занимал рисунок роскошного паровоза и адрес крупной мастерской. Два объявления «В богатый столичный дом требуется моло-

дая прислуга приятной внешности и веселого нрава» тоже присутствовали.

Я выяснил, где находится редакция и отправился туда. Заплатил за публикацию. Текст скопировал с аналогичных объявлений.

Следующий выпуск газеты, как оказалось, будет через неделю. Потом ее развезут по мелким городкам. Это еще несколько дней. Потом сельские красавицы прочитают мое объявление и решат сбежать от родителей в более красивую городскую жизнь. На дорогу уйдет еще несколько дней. И только после этого я получу, если всё сложится удачно, свеженькую и симпатичную служанку.

Получалось, что даже в самом лучшем случае нам придется как-то обходиться без прислуги недели две-три.

* * *

Служанка нас покинула точно в срок.

Три холостяка, один из которых живой, второй – мертвый, а третий – еще и бесплотный, осиротели.

Сначала меня это не пугало. Приготовить себе поесть я в состоянии, богатый земной опыт одинокой жизни не даст пропасть, думал я.

Оказалось, готовить на дровяной печи – это совсем не так просто и быстро, как на газовой или электрической. Хотя бы потому, что сначала эту печь надо разжечь и подождать, пока она прогреется, потом – с регулировкой температуры большие проблемы. Каша пригорает, суп выкипает, яичница –

снизу черная, сверху сырая...

Спасало то, что я, всё-таки, в городе. Кое-какой сервис тут присутствовал. Печь хлеб необходимости нет, можно покупать у булочников. Молочные продукты делать самому не надо – молочник приносит.

Через несколько дней одинокой жизни я загрустил и уже почти решил питаться в ближайшем ресторанчике.

* * *

В тот день я был занят – объяснял рабочему-строителю, какие полки надо сделать в моей сокровищнице, которую он уже отгородил кирпичной стеной в кабинете. Поэтому решил послать на рынок за продуктами Петора.

До сих пор скелет старался не выходить из дома, а если уж выходить – то в моем обществе. Рыцарь в латах вызывал нездоровый интерес у прохожих. Еще и привычки у этого рыцаря были из тех веков, когда дворянин мог безнаказанно резать простолюдина, если ему показалось, что тот его оскорбил. Я побаивался отпускать магистра в люди одного. Но рано или поздно встраивать Петора в местное общество было надо. Вот я и решил – почему не сейчас? И отправил его в первый самостоятельный выход.

Через полчаса я услышал шум на улице. Выглянул. Обалдел от открывшейся картины.

По улице шел Петор. Шел он с поднятым забралом. В его правой руке был обнаженный меч-полуторник. В левой – болтался мальчишка, магистр небрежно держал его за ру-

башку. Жертва произвола безвольно опустила ручки и ножки, как щенок или котенок, которого несут за шкурку, и ре-
вела белугой.

За магистром двигалась толпа. В основном она состояла из любопытных, но были и тетки, настроенные агрессивно, и стражники, которые не торопились проявлять героизм и приближаться к странному воину.

Я вышел на крыльцо.

* * *

– Что тут происходит? – крикнул я, когда Петор остано-
вился передо мной. – Я тебя за свининой посылал, а не за
вот этим вот.

– Изверги!! – завизжала какая-то тетка.

– Мальчишка пытался срезать у меня кошелек с пояса.

– А домой ты зачем его притащил?

– Я твой слуга, деньги, которые он пытался украсть, твои.

Я не могу судить его.

– То есть я должен судить? И как я могу его наказать?

– Хочешь – прикажи, я зарежу. Хочешь – возьми в раб-
ство.

Я задумался. Что-то в этом предложении было не то. По-
хоже, Петор пользовался теми нормами права, к которым
привык много веков назад.

Я уточнил у стражников, которые подошли к нам, но не
торопились вмешиваться:

– А что по нынешним законам полагается за попытку кра-

жи?

– Если мелкая кража – клеймление и бичевание. Повешение, если стоимость похищенного выше двенадцати копеек. Что у твоего конструктора в кошельке?

Петор сунул руку в кошелек и вытащил серебряный рубль и кучку мелочи. Это был смертный приговор мальчишке.

Воришка притих. По его лицу катились крупные слезы. Толпа тоже притихла. Ждала, чем кончится.

– И что, его реально повесят? – удивился я негромко, обращаясь к стражнику.

– Конечно. Прямо сейчас отведем на набережную, к виселице и вздернем, если ты подтвердишь слова конструктора.

– Так ему и надо! – вскрикнула толстая женщина. – У меня такой же ворюга все деньги, заработанные за месяц, умыкнул!

– Точно, пусть ногами подергает на веревке, – загоготали трое парней.

Я глянул на воришку. Тот размазывал по лицу сопли. Ребенок, лет десяти, выглядел тощим, но чистеньким. Одежда латанная, но стиранная, волосы подрезаны ровно.

– А ты что скажешь?

– Мамка умирает, а нас с квартиры гонят... – зарыдал малец.

Я повернулся к стражнику:

– Значит, если я подтверждаю обвинение, что мальчишка вор, вы его отведете к виселице и повесите. А если не стану

выдвигать обвинения?

– Тогда не повесим.

– Можно я парой слов перекинусь со слугой?

Мы с Петором, у которого в руке всё еще болтался мальчик, отошли чуть в сторону.

– Ты зачем его притащил? Попытался украсть, но не украл. Отпустил бы – и всех делов. В крайнем случае на рынке страже отдал бы.

– Я думал, себе его взять. Рабом. Пусть нам служит, воду носит, дом убирает.

– Отменили же вроде рабство давно?

– А пусть он добровольно станет твоим слугой, а ты обвинения против него не выдвигай.

Я в любом случае не собирался выдвигать обвинения, но идея Петора была не так уж плоха. Мальчишка мелкий, но воды принести из фонтана способен, убираться и помогать на кухне – тоже. Хоть бы и посуду помыть, оттирать песком нагар с котелков – та еще забота... Опять же – в моем доме мальчишка будет сыт и одет, а иначе попадет на виселицу не сейчас, так в следующий раз. А жаль, он бойкий, раз не побоялся к странному воину полезть.

– Мелкий, станешь служить мне?

– А мамка и сестра как же?

– Что с мамкой?

– Умирает. Чахотка у нее. Кровью кашляет и уже не встает с кровати.

– А сестре сколько?

– Восемь.

Выбор у меня простой – либо выдвигать обвинение, либо нет. Если выдвигать – мальчика повесят, мать его умрет, сестра станет сиротой и тоже, скорее всего, умрет, не сейчас, так зимой. Если не выдвигать, то с мальчишкой надо что-то делать. Просто отпустить – это как мимо пройти. Понятно же, что выхода у него нет, опять полезет воровать и попадет-ся, если стражники не повесят, конкуренты или пострадавшие забьют до смерти. Брать в слуги – неплохой вариант. Но тогда надо что-то с родными его делать. Иначе сбежит мой слуга.

* * *

Я объявил, что выдвигать обвинения не буду. Мол, кражи не случилось, вешать не за что.

Публика разошлась. Большая ее часть осталась разочарованной. Хотели зрелища, а его нет. Хотя кое-какое зрелище получилось – мой мертвый слуга открыл забрало, чтобы не мешало, если придется отбиваться, и теперь кумушки обсуждали новость – появление в квартале некроманта, у которого имеется настоящий живой мертвец.

– Теперь весь квартал будет о Петоре судачить, – рядом с ухом подал голос невидимый Мартель.

– А ведь оно и неплохо... Любые разговоры – это моя известность, а известность – это потенциальные клиенты. Я ж хотел организовать какое-то дело – это хороший повод на-

чинать быстрее.

— А с этим что делать будем? — Петор приподнял руку, в которой всё ещё болтался мальчик.

— В дом заноси.

* * *

Мы со скелетом сидели в гостиной. Рядом висел призрак. Перед нами переминался мальчик. Он прятал глаза и сутулился.

Мы молчали. Осматривали наше приобретение.

Приобретение почесалось.

— Вы зачем этого оборванца притащили? — не выдержал Мартель. — Он же вшивый!

Мальчик невозмутимо поймал что-то в прически, поднес к глазам и раздавил ногтями.

— Петор, будь любезен, принеси амулет от насекомых.

Скелет принес. Нацепил золотой медальон на шею воришке. Тот, как замороженный, стал разглядывать блестящую цацку. Возможно, это было первое золото, которое он держал в руках.

— Есть хочешь? — вспомнил я о человеческих потребностях.

Мальчишка закивал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.